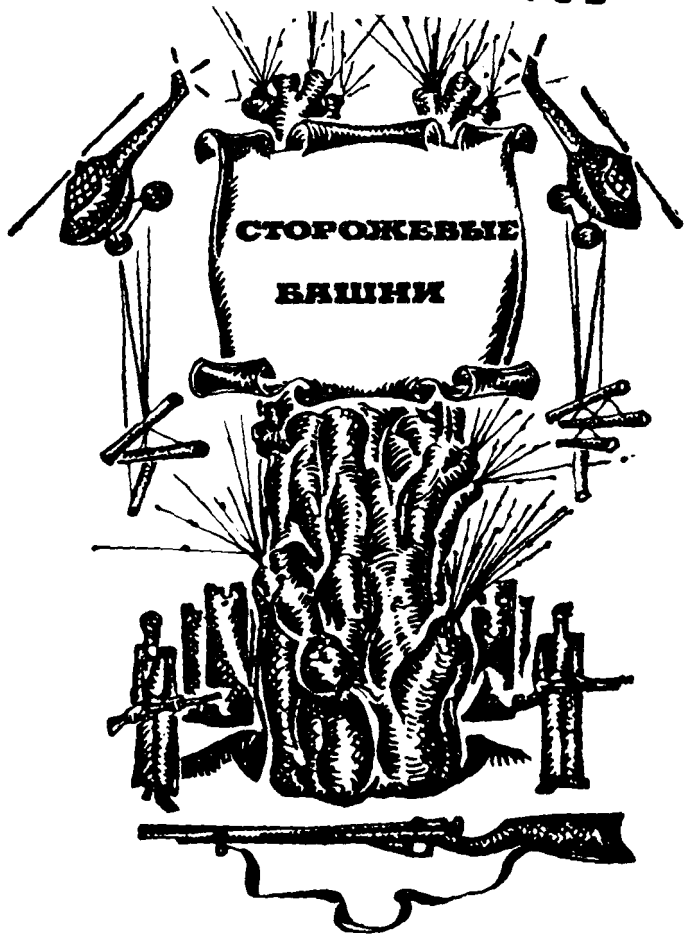

ТИМУР ПУЛАТОВ

В

от замок на холме. Внизу река и село. У самого села река сворачивает и берет замок в плен, так что ни пеший, ни конный к замку не проберутся. Есть только одна к нему дорога — по воде...

Каждое утро десять лодок плывут к замку, и ведут их грузчики Вали-бабы.

А на берегу, у села, толпятся женщины, завязывают мешки и ждут молча, пока лодки вернутся обратно.

Грузчики выходят на противоположный берег, неся мешки, поднимаются по гранитным дорожкам к воротам замка.

Долго, тремя ключами, открывают их, зажигают фонари и идут по коридорам мимо холодных железных дверей.

Утомившись, бросят мешки на полпути, сядут на них, пожуют лепешки, покурят.

— Не могу привыкнуть, — тихо скажет Вали-баба, смотря туда, где в конце коридора дрожит полоска света.

Грузчики только вздохнут, не решаясь ничего отвечать, ибо кажется, что услышат в тишине коридора, за дверьми, чужие голоса...

— Ну, пошли, — скажет Вали-баба.

И снова, не дойдя до полоски света, отдохнут, и Вали-баба скажет:

— Я все думаю: в чьи руки они попали? Надежна ли охрана? Ведь у нас никто не пытался бежать. Правда, мужики?

И увидят грузчики, как он улыбнулся в полумраке, довольный.

Полоска света уже изменила направление и падает теперь не слева, а откуда-то сверху.

Грузчики все еще боятся разговаривать, им все еще что-то мерещится. И только один Вали-баба меньше всех суеверен. привык к темноте, к этим коридорам.

Он и раньше, когда была здесь колония, работал старшим. Товарищи стояли сутками на вышках, днем под палящим солнцем, а ночью возле прожекторов и, только закончив смену, уходили по коридорам замка домой.

Вали-баба же каждый час спускался вниз на доклад, шел как ни в чем не бывало, никого и ничего не замечая, курил и что-то насвистывал. И вмиг возвращался обратно, доложив кому следует общую обстановку.

Взвалив на себя мешки, грузчики идут к свету. И возле самого люка, как всегда, начинают кружить над головами летучие мыши — единственные теперь здесь сторожа. Грузчики чувствуют их по движению воздуха, словно к потным лицам приставили маленькие вентиляторы.

Над люком и начинаются основные постройки замка, но никто наверх не поднимается, кроме Вали-бабы. Несмотря на свои шестьдесят лет, старший грузчик легко просовывает в люк голову, а потом и ноги, и кричит, торопит, а товарищи один за другим подают ему мешки.

Нет у них теперь времени любоваться красотами замка,

нужно поскорее сесть в лодки и плыть за вторым десятком мешков. Плыть по реке с каждым днем становится все труднее — мешают пятна нефти на воде.

Полгода как нашли эту нефть возле села, и за это время уже успели измерить все вокруг, привезти вертолетами цемент и другие материалы для большого моста, а главное — убрать всех уголовников-колонистов куда-то за сотню километров в пустыню.

В замке теперь сделали временный склад, и бывшие караульные, Вали-баба и его товарищи, стали грузчиками.

В новую колонию их не взяли. Здесь, под боком, родное село Гузар, пусть поработают пока грузчиками, а со временем, когда начнут выкачивать нефть на промысле, подберут бывшие караульные какую-нибудь другую профессию по душе.

И остальным пятидесяти с лишним гузарцам, учителям вечерней школы колонистов, всяким прачкам и медикам, тем, кто был раньше на штатной работе в колонии и кто зарабатывал себе на жизнь, продавая лепешки, айран, шашлыки уголовникам и родственникам, приезжавшим издали повидать их, тоже обещана хорошая работа на промысле, вокруг которого должен вырасти новый город.

В старые времена, когда не было здесь замка, предки нынешних гузарцев — крестьяне жили в богатом селе возле реки. Жили и не ведали, что в далекой Бухаре сестра эмира, принцесса, готовит против брата заговор, желая посадить на трон дядю. И вот однажды появились в Гузаре всадники, привезя с собой эмирский приказ о том, чтобы строился на холме замок для принцессы, ибо заговор ее раскрыт и сама она будет жить в изгнании. Крестьянам пришлось забросить свои поля и виноградники и заняться постройкой замка. А так как для крепости нужна была хорошая глина, то заставили крестьян перевозить с полей всю землю, да и сады вырубить — и вот с тех пор все вокруг, до самой реки, покрылось ядовитой солью и заросло бурьяном.

Принцессе тогда пришлось забрать всех гузарцев к себе в замок. Женщин — служанками, прачками, поварами, а мужчин — конюхами и сторожами-солдатами.

После принцессы жили здесь в изгнании четыре везира, один хан и два графа, и гузарцы всем им прислуживали...

Когда же, в наши уже дни, лет тридцать назад, в замке организовали колонию для уголовников, Вали-баба и девять других молодых людей обучились стрельбе, погоне, обращению со служебными собаками. Надели на них мундиры и поставили на дозоре.

И уже привыкли они ко всему, службу несли аккуратно, дисциплинированно, в колонии им нравилось, и думали они проработать так до самой смерти.

Каждому из караульных оставалось прослужить всего год или два до пенсии, но Вали-баба, например, заранее решил, что не уйдет добровольно из колонии, даже если наступит старость. Был он на хорошей примете у начальства, служила его команда без оплошностей и ЧП — уголовники попались какие-то мирные, ни у кого и на уме не было рыть подкоп или убегать в открытую из замка.

Смена проходила поэтому безо всякого напряжения. Днем сидели на вышках и смотрели, как ползут зеленые ящерицы по крепостной стене, спорили: догонит ящерица паука или паук шмыгнет в расщелину, а ночью гадали по звездам, какая будет завтра погода, и всякое такое...

Прекрасные были времена! Домой возвращались совсем неусталые, были еще силы лодку починить, порыбачить.

Кто мог знать, что прямо здесь, под замком, ползет нефть! Узнали о ней совершенно случайно какие-то проезжие геологи, и вот с тех пор все в жизни товарищей Вали-бабы круто изменилось. Конечно же, бывшие караульные понимают, что гораздо выгоднее держать здесь промыслы, а не колонию, понимают, но привыкнуть к мысли, что замок пуст и что не стоят они на вышках, — не могут. И как-то обидно им и

за такой крепкий, надежный замок, с его вышками и бойницами, с длинными коридорами, созданными для того, чтобы в них толпились преступники.

Вот почему грузчики молчат, боясь сказать хоть слово, когда идут с мешками в полумраке, и не лезут дальше люка, к основным зданиям замка, где они отдыхали в перерывах, где обедали в столовой, где принимали их с рапортами начальники, и куда они сдавали после дежурства карабины, и откуда упругие железные лестницы поднимали их к сторожевым башням, — странно все и непривычно, нет никого, тишина...

Быстро подают мешки наверх, а обратно уже бегут по коридорам, торопятся.

Делают за смену все десять положенных по договору рейсов, а если не жарко, то и пятнадцать.

Так они поработают еще месяц. А потом приедут строители с техникой и начнут собирать мост.

Через месяц грузчики Вали-бабы должны будут тоже заняться мостом...

2

Когда до приезда строителей оставалось дней десять, начали перебрасывать по воздуху на вертолетах железную основу моста и огромные булыжники в металлических сетках, — видимо, на фундамент.

Грузчики не плыли больше к замку. Собирали в одно место булыжники, тащили на арбах, двуколках ближе к берегу самую основу моста — делали все добросовестно, служба в колонии приучила их к этому.

— Да ведь что ни делай, везде работа, — сказал грузчикам Вали-баба. — Надо честно служить.

— Верно, — согласились с ним. — Повезло нашему захолустью.

Ночью пошел дождь, и грузчики слышали вначале тихий

шепот — капли перебирали мелкие камни на стенах замка. А потом настоящий гул начался, когда камни покатались вниз, в реку, вместе с потоками воды. Камни не сразу шли ко дну. Внутри полые, легкие, они доплывали почти до середины реки, оставляя за собой, как рыбы, белый пенный след.

Утром замок снова стоял невозмутимый, чистый, словно ждал гостей. И грузчики видели, как облако пара и тумана, капля за каплей, собирается опять над замком, дрожит, плывет то влево, то вправо, занимая свое всегдашнее место над сторожевыми башнями, как большой нимб.

В полдень грузчики бросили булыжники и арматуру, успевшую уже порядком заржаветь от близости реки, и сели в лодки. Вспомнили они, что давно не убирали замок, стены его снаружи вымыты дождем, а внутри, на площадках, переходах и лестницах, должно быть, уже много нанесено песка.

Знали товарищи Вали-бабы, что со временем, когда вырастет на месте Гузара город, станет замок его главной исторической достопримечательностью.

Пришли грузчики в замок с метлами и ведрами и уборку решили начать сверху, со сторожевых башен. Все открытые места замка — три его двора, мощенные гранитом, крыши внутренних построек, дорожки — были и вправду покрыты слоем красного песка. Песок, видимо, через люк и ворота залетел в длинные коридоры, засыпав все, что напоминало о колонистах, следы их рук и босых ног.

Зато увидели теперь грузчики в коридорах свои собственные следы, идущие цепочкой, а дальше, куда они давно не поднимались, во дворе, — следы лисиц, черепах и маленькие, еле заметные следы ежей.

Чуть выше, уже на лестницах, оставили свои следы вороны и коршуны, а возле самых сторожевых башен и орлы.

Так шли бывшие караульные, беря на заметку всех, кто побывал в замке, ибо служба в колонии научила их большой наблюдательности и смекалке. Могли они по следам различать

не только животных и птиц, но и людей, определять их возраст, рост и пол, а это впоследствии еще не раз пригодится им.

Каждый решил убрать свою башню; Вали-баба остался возле первой, а его товарищи побежали с метлами по узкой дорожке стены, каждый к своей.

Вторая сторожевая башня находилась в пятидесяти метрах от той первой, которую занял Вали-баба. А дальше — остальные точно на таком же расстоянии друг от друга, и всего башен ровно десять.

Первоначально были сложены башни из красного кирпича, и только самый верх крыши из листового железа. Но когда поселилась здесь колония, пришлось кое-что изменить. Были убраны круглые кирпичные стены с бойницами, а также внутренние лестницы, ведущие на крышу башни. Не тронули лишь основания башен, на которые и поставили железные прутья и перегородки, чтобы держалась крыша над головой.

Теперь стало удобнее круглосуточно обозревать окрестности замка, отмечать любого пешего и конного.

Как-то сиротливо сейчас здесь!

А в свое время Вали-баба принес сюда наверх немного земли и посадил в горшках всякую зелень. Вьюны ползли по железным прутьям на крышу и давали немного прохлады.

Снизу начальнику службы не было видно, что там у них растет, у караульных, ведь по уставу все, что отвлекало их от дозора, должно было быть снято с башен. Снизу не видно, а наверх начальник не поднимался — слишком уж доверял команде Вали-бабы. Зато зелень украшала караульным их одинокую жизнь на башнях — ведь все они из бывших крестьян.

И еще нет сейчас возле башен прожекторов, неусыпно освещавших двор замка, всю местность вокруг и ночное небо, — пусто кругом, и все разорено.

— Вали-баба, вы видите? — крикнули из ближайшей башни.

Из всех башен смотрели сейчас на село и на реку.

— Кажется, строители пожаловали, — сказал Вали-баба, видя, как из трех только что прилетевших вертолетов вышли на сельскую поляну незнакомые люди.

— Спустимся к ним?

— Не сейчас. Мы ведь не приставлены обслуживать их, — сказал, желая не терять достоинства, Вали-баба. — Пусть женщины встречают гостей.

Женщины и вправду вышли встречать строителей, понли их водой и айраном.

Вспомнив о мешках в замке, Вали-баба забеспокоился и крикнул товарищу из ближней башни:

— Калихан, сбегай и посмотри: не отсырели ли там мешки? Мы за них головой отвечаем. Если заметишь какую-нибудь кражу, бей тревогу!

Калихан кивнул и вышел из башни и, проходя мимо Вали-бабы, высказал сомнение:

— Да какая может быть кража?! Кроме лисиц и ворон да нас самих с ключами, разве в замок кто-нибудь проберется?

— А как же лисицы? — спросил Вали-баба о том, что его давно мучило.

— Видно, подкоп сделали в стене.

— Вот стервы! — покачал головой Вали-баба. — Ну иди проверь. И запомни: там, где проходят лисицы, пройдет и вор, он в хитрости не отстает.

— Что-то они в нашу службу не проходили, — снова засомневался Калихан.

— Верно, не проходили. Да и не могли. Была у нас отличная команда!

— Была... — как-то сразу погрузился Калихан и пошел вниз.

А женщины Гузара, напоив строителей водой, уже показывали на замок, объясняя что-то.

— Видно, нас ищут! — крикнули Вали-бабе.

— А что нас искать? От работы мы не уваливаем... Можно подумать, что они сами тут же бросятся строить мост. Отдохнут с дороги, покупаются — вот мы и познакомимся с ними.

— Сюда бегут! — закричали сразу из нескольких башен.

— Стойте на местах! — приказал Вали-баба. — Калихан внизу, встретит их.

Строители добежали до реки, разделись и поплыли к замку. Пока плыли, утомились, и теперь не бежали к воротам замка, а шли строем.

Поднявшись, стали стучать и кричать, — грузчики всегда запирали за собой ворота.

Калихан долго не решался открыть, делал со двора знаки Вали-бабе, спрашивая, как быть.

— Впускай! — махнул рукой Вали-баба.

Калихан снял изнутри засовы, крикнул тем, кто стоял за воротами, чтобы толкали, ибо один человек был не в силах сдвинуть железные ворота с места, а сам отбежал в сторону.

Строители навалились на ворота, и они наконец распахнулись, выпустив наружу несколько летучих мышей.

Один из строителей бросился ловить их, но безуспешно, другие кричали и подбадривали его.

Калихан угрюмо смотрел на посетителей замка, моргая от яркого света за воротами. А те приняли его за обыкновенного сторожа пустого замка, к тому же еще и сонного и пропахшего сыростью коридоров.

— Как тут у вас, по билетам пускают, папаша? — вполне искренне спросил один из строителей, зная, что в других местах за осмотр исторических памятников такого масштаба надо платить.

Калихан промолчал, сделав вид, что ничуть не обиделся, и строители пошли мимо него в темный коридор.

Здесь они остановились, ничего почти не видя и наступая друг другу на ноги.

— Где вы там, папаша? — стали искать Калихана. — Куда нам идти?

— За мной, — приказал Калихан, пошел и стал впереди строя. — Идите по одному и возьмитесь за руки.

— А нельзя ли было освещение сделать? — спросил кто-то. — Чтобы людям приятно было.

Голоса эти, не находя себе выхода, ударялись о сырые камни коридора и, замураванные в четырех его стенах, теряли человеческий смысл, становясь похожими на бормотание и стон.

Калихан долго морщился, вздыхал и, наконец, сказал идущим сзади:

— Прошу, граждане, не разговаривать!

Строители умолкли, и теперь до самого люка был слышен лишь топот ног, неуверенных и неторопливых.

Когда все поднялись через люк во двор замка, Калихан заметил, что лица строителей, пока шли они по коридору, посерели от паров, а глаза потеряли живой блеск.

— Было освещение. Еще недавно горели лампочки, — решил признаться Калихан.

Но строители, пораженные великолепным видом двора, к которому так долго пробирались, молчали и не слушали Калихана.

— Все закрыто, — сказал Калихан, показывая на постройки во дворе. — Можно лишь побродить здесь.

Строителей несколько не огорчил этот запрет, и только один из них сказал Калихану:

— Ну, отец, рассказывай, сколько веков тому...

— Ничего я не знаю, ничего, — прервал его Калихан, рассердившись на гостей и видя, что кое-кто из них безо всякого разрешения идет по дорожке к соседнему двору, где была раньше душевая. — Идемте все наверх, к башням.

Калихан решил не связываться с этими людьми, пусть Вали-баба сам командует.

— Наверх так наверх, — сказали строители, и по тону

их Калихан понял, что нет у них особого интереса к замку, просто думали поразвлечься после дороги.

Зная правило, что никогда не следует первому подниматься по лестнице, когда сзади тебя идут чужие люди, Калихан по одному пропускал строителей наверх.

«Двадцать восемь», — машинально подсчитал посетителей Калихан. И последним поднялся к сторожевым башням, где и встретил их всех хмурый Вали-баба.

Был он, попросту говоря, немного растерян, потому и хмурился, напуская на себя важный вид. Ведь впервые за много лет поднялись к ним вольные люди, не уголовники, не преступники, а как они поведут себя, о чем спросят и как им отвечать — вот это и смущало Вали-бабу, отвыкшего от общения со всем остальным миром.

Строители нисколько не удивились, обнаружив на башнях людей, подумали, что это такие же посетители замка. Поэтому ни слова не говоря и даже особенно не рассматривая Вали-бабу и его товарищей, шли они от башни к башне, любясь прекрасным видом села и реки внизу.

Некоторые из них, быстро утомившись от палящего солнца, сели прямо здесь, на стене, и снова напомнили Калихану:

— Все-таки, интересно узнать историю замка...

— Кто тут у вас старший? — спросил Вали-баба, привыкший к тому, что каждая группа людей имеет своего старшего, ответственного.

— А зачем он вам? — удивились строители.

— Видите ли, граждане, мы работаем здесь грузчиками. Завезли мешки, сложили булыжники и арматуру моста...

— Так вот вы кто! — К Вали-бабе подошел бригадир, человек еще молодой, в белой каске, какие носят обычно на опасных работах. — Вы славно потрудились. Поздравляю. — И пожал Вали-бабе руку. — А мы вот решили осмотреть замок, — как бы извиняясь, добавил бригадир, снимая с головы каску.

— Пожалуйста, смотрите, — пригласил Вали-баба и взял у него каску, чтобы определить вес.

Только теперь, внимательно разглядев всех грузчиков, бригадир увидел, что все они чем-то очень похожи друг на друга — все крепкие, коренастые, у всех военная выправка и пронзительные взгляды... Все молчаливые и настороженные. «Как братья», — отметил про себя бригадир.

3

Вначале решили строить временный мост, чтобы перебросить к замку технику.

Люди Вали-бабы сидели в лодках и держали сигнальные канаты, водолазы изучали, измеряли дно, и гузарцы потом вытягивали их на поверхность.

Передохнув, водолазы снова опускались на дно, и лодки весь день тихо плыли туда, куда тянули их канаты.

Работа эта требовала большого терпения и дисциплины, но команда Вали-бабы ни разу не роптала.

Видя, как трудятся гузарцы, бригадир нередко ставил их в пример другим строителям и распорядился выдать им белые каски. И, хоть не годились они для местного жаркого климата, грузчики не снимали каски с головы, и со стороны трудно было их теперь чем-то выделить из всех.

Так проработали они около трех недель, но однажды утром не вышли на берег.

Бригадир подождал немного, не решаясь опускать без Вали-бабы водолазов, затем послал в село своих людей.

В поселке из глины и соломы показали строителям деревянные домики барачного типа, где жила команда Вали-бабы. Возле этих домиков все так, словно хозяева вышли на минуту, — стояли табуретки и столы, на которых было рассыпано домино, разложена посуда с чаем и коробки с табаком.

Строители подождали, покурили брошенный табак, прошел час, второй, и время приблизилось к полудню.

На всякий случай еще раз постучали, хотя понимали, что это бесполезно — двери в бараках не были заперты, а в некоторых — и окна не закрыты в спешке. Никто в селе не знал, куда делась команда Вали-бабы, никто даже не удивился их исчезновению, решили — раз ушли десять мужчин, значит так надо.

Вспомнили только, что ночью сильно лаяли где-то чужие собаки, но строители решили, что это к делу не относится. Озадаченные, вернулись они к бригадиру на доклад.

Тот приказал хорошенько осмотреть лодки пропавших, думая, не случилось ли несчастье.

Лодки оказались целыми, без пробоин и даже без царпин — аккуратно смазанные и вымытые изнутри, и бригадир еще раз отметил про себя, сколь дисциплинированны были гузарцы.

Весь день, до сумерек, водолазы ныряли в реку, а вниз по течению был послан катер. Но ни живых, ни мертвых гузарцев не обнаружили — исчезли, испарились!

Утром следующего дня бригадир связался по радио с милицией, но дал им очень скудные и противоречивые сведения, ибо сам толком не успел ничего узнать о пропавших...

А те, кого разыскивали сейчас в Гузаре, были уже километрах в двадцати от него и приближались к первому колодцу.

Шли они по следам людей и собак, пробежавших с криками и лаем, шли, держа охотничьи ружья и готовые в любую минуту дать залп.

Больше у гузарцев ничего не было: ни рюкзаков, ни котелков с пресной водой, ни еды, а ведь там, куда они держали путь, простирались на сотни километров одни пески.

Но это, кажется, меньше всего их беспокоило. Увлеченные погоней, они не думали, что может стать им дурно от солнечного удара или жажды.

Так шли они, осматривая каждую яму и каждый бархан и почти не останавливаясь, ибо здесь, до самого колодца, все было уже проверено идущими впереди.

Возле колодца стояла глиняная кибитка, где обычно летом дежурит кто-нибудь из пастухов.

На всякий случай, из предосторожности, Вали-баба приказал шестерым залечь на бархане, направив ружья в сторону кибитки, а сам с тремя гузарцами стал подкрадываться к колодцу. Впрочем, хитрость эта была излишней — ведь люди с собаками задолго до их прихода уже обшарили все темные углы кибитки и все вокруг нее на расстоянии версты и даже опустили одного из своих в колодец.

Но кто знает, сколь добросовестны эти люди?! Ведь не зря же беспокоился Вали-баба о том, надежна ли будет новая охрана колонии, не зря думал и переживал. И вот результат — прозевали трех уголовников, прошляпили, а те, сделав подкоп в тюремной стене, бежали в полночь на волю.

Нет, не было и не будет уже после команды Вали-бабы более надежных караульных в колонии — в этом гузарцы убеждены. А с ними вот обошлись не совсем благородно, оставили в Гузаре мешки таскать и водолазов обслуживать.

Но что бы там ни было, бывшие караульные готовы сейчас выполнить свой долг до конца, схватить беглецов и доставить их обратно в колонию.

В пустой кибитке все было разбросано, перевернуто — обыск провели на совесть. Но куда же исчез пастух?

«Может, он сговорился с беглецами?» — первое, что пришло на ум Вали-бабе.

— Нет смысла нам дальше идти по следам караульных, — сказал он, позвав товарищей на совет. — Будем искать беглых мошенников самостоятельно.

— Верно, — обрадовались товарищи, — сами, нашей старой командой.

— Тогда давайте думать, какой верный маршрут нам выбрать.

Конечно, было бы более разумным догнать караульных с собаками, думал Вали-баба. Можно узнать у них точные приметы беглецов. Но так они могут забрести за ними бог знает куда, и ещё неизвестно, как встретят их штатные караульные.

Лучше самим вести поиск. Ведь сумели же они, изучая следы, расспрашивая встречных людей, точно определить количество беглецов.

И есть еще у них в руках, правда, пока разрозненные, противоречивые сведения о том, какого роста беглец и во что обуты. Надо собрать еще кое-какие данные, сесть, обдумать, отбросить ложное, всякие слухи и видения, — и тогда можно вполне отчетливо составить зримые портреты преследуемых... Но это по ходу дела.

— Все идет правильно, — сказал Вали-баба.

Действительно, ведь еще вчера они бежали почти вслепую, словно гнались за призраками.

А все началось с дикого лая овчарок.

Почти до полуночи, как обычно, играли гузарцы в домино и уже собрались было расходиться по домам, как вдруг застыли, услышав за дорогой лай овчарок.

— Слышите, это наши овчарки? — узнали голоса тюремных собак, заволновались — так было все неожиданно, и так они соскучились по этим голосам...

Закричали:

— Погоня!

И не сговариваясь, будто давно ждали этой минуты, бросились гузарцы за ружьями.

И, как по боевой тревоге, бежали туда, где мерцали десятка два фонарей, бежали, не вспомнив даже о своей завт-

рашной работе на реке, потому что знали — то, что будут делать теперь, важнее всего. Овчарки звали с собой в долгий путь их, настоящих караульных, а те, кто ведет сейчас собак на поводке, эти не справятся, только зря помучают животных, сами сойдут с дороги от жары и жажды и вернуться в колонию с пустыми руками.

— Так вот, — продолжал Вали-баба совет в кибитке, — в жару они долго не протянут в пустыне...

И рассказал товарищам, что днем беглецы будут сворачивать к селам и искать прохладу, а ночью опять уйдут в пески. Но не в крупные села, где есть милиция, туда они не рискнут... Самые удобные для них маршруты — это овечьи тропы, где можно одурачивать пастухов, поесть у них и попить, а потом уйти в саксауловые заросли.

— Не мешает нам посетить кладбища и мазары, — говорил Вали-баба, — они отличные места для укрытия.

Да, так должно быть, но вместе с тем понимал Вали-баба, что все может оказаться наоборот. Не маленькие села, скажем, посетят беглые уголовники, а большие, где попытаются достать одежду, заgrimироваться и сесть на какой-нибудь станции в поезд, ловко запутав следы.

Все зависит от ума и смекалки преследуемых и от того, хорошо ли продумали будущий маршрут, когда длинными ночами рыли подкоп.

Но в одном Вали-баба абсолютно уверен: беглецы не знают местности, расположения колодцев и сел в пустыне, где даже пастухи нередко блуждают с отарами. Уголовники, сидящие в колонии, все из дальних мест, из северных и западных краев. Но ведь и они, гузарцы, тоже впервые участвуют в погоне.

Все долгие годы простояли они в своих башнях, ни разу не выезжали за пределы села, позабыли все тропы и дороги, по которым в молодости гнали овец на пастбища.

И сейчас в общем-то выходит, что положение и пресле-

дователей и преследуемых равное: те отчаянно убегают, а эти отчаянно пытаются догнать их в незнакомой, вернее, забытой пустыне. Единственная карта в руках Вали-бабы — это сама пустыня, и тут надо брать себе в союзники все: и следы на песке, и направление ветра, и очертание барханов, запахи, и даже полет птиц, ибо кружатся они обычно там, где чувствуют живое.

Точно такая же карта находится у беглецов, и все теперь зависит от того, кто больше прочитает в ней зашифрованных обозначений.

— Но тут, — сказал в заключение Вали-баба, — преимущество на нашей стороне. Ведь нас учили читать следы в пустыне. Учили ли этому беглецов — неизвестно...

Впрочем, тут же поймал он себя на мысли: ведь неизвестно, какой это на их счету побег. Если второй или третий из разных колоний, то шансы команды поймать их и шансы беглецов уйти безнаказанными снова оказываются равными...

Итак, команда Вали-бабы решила идти теперь собственным путем.

5

Однако все оказалось значительно проще, чем думали. Встречая на своем пути пастухов и допрашивая их, Вали-баба в тот же день получил много важных сведений.

Узнала команда, что, кроме штатных караульных с овчарками, бросились искать беглецов и милиционеры из ближних сел. На всех дорогах и перекрестках установили они посты и никого не пропускают без тщательной проверки.

А главное, с севера и с юга милиционеры пошли навстречу друг другу, прочесывая каждый метр пустыни. И теперь, если беглецы не успеют достигнуть восточных гор — все, быть им в ловушке. Назад, на запад, нет им возврата, там колония.

Таким образом, смекнул Вали-баба, остается еще свободной узкая полоса между идущими навстречу друг другу милиционерами, но и она с каждым часом сокращается.

Вот по этой полосе, должно быть, и бегут сейчас мошенники, и надобно круто изменить маршрут, чтобы не дать им возможности скрыться в горах.

Только бы не прозевать момент, успеть взять их своими руками! Иначе, если схватят их первыми штатные караульные, останется в душе горечь — значит, зря все это затеяли, зря волновались. Нет, все уже решено, беглецы должны быть в руках у Вали-бабы и его товарищей!

Итак, вперед!

Если днем вдруг веяло прохладой, значит впереди, за горячими барханами, встречали маленький оазис, пастушье село. Ночью же все наоборот. Жар уходил в землю, и становилось холодно.

Караульные, ушедшие из домов без кителей и шинелей, укрывались сухой травой и саксаулом, а под головы стелили шкуры варанов, этих крокодилов пустыни.

Одни только села по ночам не успевали остыть и дышали резким теплым ветром.

Всякий раз, когда встречали на пути село, Вали-баба, прежде чем идти, советовался с товарищами:

— Пройдем село стороной или остановимся, чтобы набрать воды?

— Лучше остановимся, — говорили уставшие товарищи.

— А если натолкнемся там на милиционеров?

— Тогда решай сам.

Если дело было ночью, команда, держа ружья наперевес, входила в село с безлюдной его стороны, по полям, скрываясь в зарослях джугары.

Те, кто шел сзади Вали-бабы, ломали стебли и высасывали из них терпкий желтый сок, как делали это в детстве, когда пасли на полях соседнего села коров.

Раз Вали-баба не выдержал и тоже попробовал сок, но выплюнул и выбросил стебель, затошнило с непривычки.

А вся команда продолжала хрустеть, жевать стебли, соскучившись по джугаре.

Так шли они, минуя села и колодцы, торопились за беглецами по узкой свободной полосе к горам...

6

Пока увидели, наконец, горы вдали, дважды попадали в неприятное положение. И оба раза из-за штатных караульных.

Первый раз повстречались они метрах в пятистах справа; в полном облачении, с овчарками на привязи и вскинутыми карабинами, в жарких суконных мундирах и сапогах. От неожиданности команда бросилась на песок и поползла к бархану, чтобы спрятаться. И долго не мог определить Вали-баба, откуда дует ветер, нервничал.

Благо, ветер дул со стороны караульных, поэтому овчарки не заметили, ушли.

— Еще немного, и кончилась бы наша операция позорно, — сказал Вали-баба и впервые за все это время поругал команду: — Я вижу, вы все расслабились, тянет вас в села. Жуete всякую гадость в зарослях...

Товарищи приуныли, и каждый был готов взять вину на себя — лишь бы между ними царил всегдашний мир и покой.

— Верно, — поддержал старшего команды Калихан, — дисциплина хромает...

Но чтобы не осложнять далее отношения, Вали-баба сказал примирительно:

— Прошу, мужики, подтянитесь, чтобы не жалко было на нас смотреть со стороны.

Решили после его слов сделать короткий привал, чтобы почистить ружья и привести себя в порядок.

Вторая встреча со штатными караульными была более драматичной. На сей раз появились они слева и на очень близком расстоянии. Чутким ухом услышал вначале Вали-баба хрип овчарок. Показалось, что вот уже сейчас, через минуту, увидят они морды собак и раздастся крик «стой!», топот ног, шуршание песка, и караульные поймают их. Станут допрашивать: кто, откуда? Пропала вся операция!

Но так показалось от замешательства. Прошла тревожная минута, овчарки все хрипели, не лаяли — значит, мелькнуло у Вали-бабы, пока не учуяли.

Овчарки и вправду были еще на расстоянии пятидесяти метров. И Вали-баба полз к бархану, увлекая за собой товарищей. Ветер, как назло, дул теперь прямо в морды овчарок, но если успеет команда взобраться на бархан и если постовые окажутся уставшими, не полезут за ними проверять, и еще; если у овчарок от однообразных запахов пустыни притупилось обоняние — значит, можно считать, что опасность миновала и что теперь беглецы окажутся в руках Вали-бабы и его товарищей.

Закопали себя в песок удивительно быстро, легли, закрыв лицо пахучей травой, чтобы сбить с толку овчарок, пролежали долго, около часа, наверное.

Собаки ни разу не залаяли, постовые не закричали, значит, ничего подозрительного не обнаружили, ушли.

Да, ушли. Вали-баба вылез наполовину из песка и увидел сверху спины постовых в мокрых, покрытых солью гимнастерках. Пошли дальше, прочесывая узкую полосу и желая поскорее встретиться со своими товарищами.

И северные и южные постовые уже достигли этой единственной свободной полосы, по которой бегут уголовники. Команде надо торопиться; еще каких-нибудь полдня, и беглецы будут окружены со всех сторон, если не успеют достигнуть гор...

А вон, кажется, и сами беглецы!

Три маленькие фигурки изо всех сил бежали к спасительной горе, падали от изнеможения на камни, упавшему помогали встать, раненого несли на руках.

Увидев их, закричал Вали-баба:

— Дружны, стервецы, как братья!

Двое высоких и один маленький, очень маленький, ростом чуть ли не в полтора раза ниже своих товарищей — значит, это они, беглецы, приметы сходятся.

— Дружны! — кричал Вали-баба. — А ну, гузарцы, догоним!

Вот они уже достигли горы, стали карабкаться наверх, но все трое упали — круто очень.

Тогда спустились обратно и побежали мимо скалы в поисках тропинки.

И вот тут-то, сбавив скорость, допустили первую оплошность — команда приблизилась к ним на расстояние ружейного выстрела.

Отсюда Вали-баба раньше беглецов увидел тропинку в скале. Ровной лентой поднималась она наверх, никуда не сворачивая, значит, смекнул Вали-баба, беглецов можно будет не выпускать из поля зрения.

А вон и вторая, еле заметная, видимо, заброшенная тропинка тоже идет к вершине скалы.

Вершина не острая, и, чтобы подтвердить свою догадку, Вали-баба поднялся на бархан. Да, на скале ровная, широкая площадка, даже две площадки, вроде ступенек, а оттуда идет узкий каменный мост к самой горе.

Прекрасно, поднявшись на скалу, беглецы попадут в ловушку. Навряд ли смогут потом пробежать по мосту к горе, испугаются. Но если они пройдут, беглецы, пройдет за ними и команда.

— Братцы, пустим их на скалу? — спросил Вали-баба. Товарищи поняли его хитроумный ход, заулыбались, мол, пустим.

Беглецы были теперь на тропинке. Особенно трудно приходилось маленькому, и его все время поддерживали высокие.

Делали они это не злясь, хотя каждое его падение задерживало их на опасной тропинке; видно, высокие беглецы были чем-то обязаны маленькому.

Теперь уже можно было заметить, что все они успели преодолеть в гражданское, в какие-то куртки и штаны, которые носят геологи.

Рассмотрев беглецов хорошенько, Вали-баба повел команду к заброшенной тропинке, думая одновременно с уголовниками подняться на площадку скалы.

Расчет его оказался верным. Незаметно поднявшись на верхнюю площадку, команда затаилась там.

И тут же следом за гузарцами достигли нижней площадки измученные, но невероятно счастливые беглецы.

Оглянувшись на путь, который они проделали, на тропинку и на камни у подножья и не увидев погони, беглецы бросились обнимать друг друга. Стонали, будто захлебывались от слез, и кричали, словно давились от смеха.

— Свобода, — шептал маленький, — свобода... — Да так нежно и с таким благоговением, будто находился не на скале среди раскаленных камней и орлиных перьев, а у себя дома, в кругу семьи.

Глядя на этих людей, на минуту забыл Вали-баба про свои обязанности и про то, где находится, подумал, что сам он, наверное, никогда так не был счастлив, так по-настоящему доволен, ни в детстве, ни потом, на службе в сторожевых башнях, был только горд, что имеет власть, пусть даже маленькую, над своими товарищами-сослуживцами и над уголовниками-колонистами. Но ведь власть не делает человека счастливым.

Беглецы теперь упали на колени, обессиленные, растянулись на камнях, их мучил сон, но от сильного возбуждения не могли сразу уснуть, стонали в полузабытьи.

Команда, сидя наверху, не сводила с них глаз.

А беглецы еще долго мучились от усталости и кошмара. Ползали с закрытыми глазами, словно искали удобного места.

Потом каждый из них лег, прижавшись к жарким камням, стон прекратился, и беглецы стали забываться.

Чтобы не дать им набраться сил, Вали-баба взял камень и бросил его вниз, на площадку. Камень упал возле ноги маленького и покатился дальше по тропинке вниз.

Маленький поднял голову и посмотрел вокруг, ничего не понимая. Видя, что единомышленники его спят мирно, он снова лег, думая, что померещилось.

Второй камень был беспощаднее и попал ему прямо в руку.

8

Беглец вскрикнул, но не от боли, от ужаса. И ужаснул его вовсе не брошенный камень, а тени, падающие с верхней площадки. Тени людей и ружей в тишине, в предательском, беспощадном молчании гор.

«Бесполезно», — подумал беглец и поднял руки, отдаваясь на милость победителей.

И еще он подумал с грустью: «Как глупо...»

— Разбуди этих, — приказал ему сверху Вали-баба.

Беглец упал и пополз сначала к одному товарищу, затем ко второму. И, боясь прикоснуться к ним, а может быть, понимая, что будить их бесполезно, возвратился на свое прежнее место и снова застыл с поднятыми руками.

— Спящих как-то неудобно связывать, — сказал Вали-баба, спускаясь на площадку беглецов. И снова приказал маленькому: — Кричи, скажи, чтобы мошенники твои просыпались.

За эти минуты лицо маленького настолько изменилось, что

перед Вали-бабой неожиданно предстал уже совершенно другой человек, как будто четвертый беглец.

«Правильно говорят в таких случаях: на человеке лица нет», — отметил про себя Вали-баба.

— Тогда свяжи их сам, — приказал беглецу Калихан и посмотрел на солнце — оно уже опускалось за гору, предвещая быстрые сумерки.

К ногам маленького бросили веревку. Но и со вторым приказом он не в силах был справиться, стоял не шелохнувшись, по-прежнему подняв руки.

Пришлось Калихану и еще двум из команды самим связывать спящих.

Те только простонали во сне, видимо от дурных видений. Но когда погнали маленького вниз, а этих двоих спящих стали тянуть волоком, беглецы проснулись наконец, но уже внизу, на тропинке.

Вали-баба смотрел на них, ожидая бурной реакции, истерики или чего-нибудь в этом роде. Но беглецы, которым все это давно осточертело: вся эта погоня, бессонные ночи, усталость и голод, — довольно спокойно встретили свое новое пленение, будто бежали лишь затем, чтобы поспать часок-другой на свободе, в горах, а потом снова возвратиться в колонию отбывать оставшийся срок.

Единственное, что удивило их, — это сама команда. Не охранники, не милиционеры, а просто десять мужчин с ружьями вели их по тропе.

Кто же они? Добровольцы? Любители острых ощущений? Или похуже их самих — бандиты, которые хотят взять с них выкуп и отпустить?

Вали-баба шел и напрягал память, думая о том, видел ли он беглецов в колонии. Может, мелькнули когда-то их лица среди тысяч колонистов?

Нет, никого он не вспомнил, воспринимал всегда колонистов как огромную серую массу, всех на одно лицо. Беглецы

тоже никогда не поднимали вверх головы, чтобы посмотреть на караульных. Словом, те и другие считали, что встретились впервые.

Ладно, пусть будет так, главное, теперь незаметно провести пленников через пустыню, чтобы, не дай бог, не повстречались штатные караульные.

Команда из сил выбилась, пока поймала беглецов, а эти появятся, можно сказать, на готовое, поблагодарят и увезут мошенников к себе в колонию. И лавры и почет, все им достанется.

Вали-баба передаст уголовников караульным в другом месте и при других обстоятельствах, а сейчас надо проделать весь долгий путь обратно домой.

— Развязать им руки! — приказал Вали-баба.

Беглецов освободили, и те, усмиренные, тихо поплелись впереди строя.

Прошли у подножия горы, покрытого камнями, затем по узкой полосе солончака, и впереди людей ждали три долгих утомительных дня пути по горячим пескам.

А из расщелин горы выполз пар, закружился над скалой, словно посылая беглецам прощальный привет...

9

Железные ворота замка снова распахнулись.

Внутри темного коридора зажглись фонари, но люди почти не видели друг друга. Сырые теплые стены поглощали весь свет, и даже тогда, когда горели здесь лампочки в сетках, в коридоре стоял полумрак.

Где-то в середине коридора пленных остановили. Вали-баба вынул связку ключей, долго перебирал их, затем приказал посветить ему. Там, куда направили свет, была потайная дверь, но пользовались ею редко, лишь когда привозили новых колонистов и вели их в канцелярию оформлять доку-

менты. Для нужд каждого дня пользовались люком с лестницей. Засохшая дверь поддавалась туго. Ее долго толкали. Беглецы же, воспользовавшись задержкой, смотрели на железные двери барачков. Искали свой с номером четыре.

Потайную дверь наконец взломали. Дохнуло плесенью и порохом. Отсюда, как и из всех дыр и щелей замка, вылетели крылатые мыши — эти слепые сторожа всех покинутых тюрем.

Переступив порог, очутились в том помещении, где отдыхали между дежурствами караульные. Здесь были три смежные комнаты, одна для игр в домино, другая — читальня и последняя, где сдавали карабины.

Беглецы молчали. Вялость и сонливость исчезли, как только пришли в замок. Было любопытно следить, куда их ведут, и зачем, и что же будет дальше.

Никто, естественно, не предполагал, что увидит вновь замок, свою бывшую колонию. Разве лишь когда окажутся на свободе и будут проезжать мимо. Да и то навряд ли.

— Будете жить по-царски, — сказал Вали-баба, переходя из одной пустой комнаты в другую и осматривая их, проверяя надежность стен и пола. Но, сказав так, он тут же вспомнил всю строгость обстановки, и голос его сделался суровым: — Пospите пока на полу. Матрацы получите завтра.

— А почему нас не поместили в четвертом бараке? — спросил беглец маленького роста.

— Разговоры! — строго прервал его Калихан.

В первой комнате заперли его, маленького, в других — остальных, высоких.

Решили не расходиться, а дежурить всем вместе, ибо соскучились по службе.

В узких коридорах между комнатами толпились по три человека, дыша друг на друга потом и запахом саксаула.

Прелые от жарких сапог ноги подкашивались, хотелось сесть на пол, перевязать портянки, но нет, не сиделись, делали по очереди два шага вперед — два назад, по привычке прижав

ружья к плечу. И каждые пять минут смотрели в глазок на двери, смотрели напряженно и подолгу.

Двое беглецов сразу же растянулись на холодном полу, прижав щеки к плитам — уснули. И только маленький сидел спиной, и нельзя было понять, что он намерен теперь делать.

Вали-баба поднялся наверх, во двор замка, долго бродил в одиночестве с сознанием исполненного долга.

Он решал, как построить завтрашний день и все последующие дни, пока беглецы будут находиться в замке.

И подумал о начальнике колонии, о том, что тот скажет, когда узнает про все это. Объявит, конечно, благодарность и все такое.

Чепуха, не это главное. Никому они не мстят, ни с кем не соревнуются, просто исполняют не служебный, так гражданский свой долг.

«В своей работе мы должны опираться на помощь гражданского населения», — вспомнил Вали-баба наставление начальника колонии.

Хотя тогда это относилось к другим, к людям за пределами замка, но теперь по иронии судьбы или по чистой случайности Вали-баба и его товарищи и есть это гражданское население.

Вернувшись со двора, Вали-баба обошел все караулы, расспрашивая о новостях. Затем сам посмотрел в глазок. Выбившись из сил, маленький спал, как и двое его товарищей...

10

День решили начать с допросов.

В главную комнату замка, где находился ранее кабинет начальника колонии, привели к Вали-бабе одного из высоких.

Откуда-то достали стол для Вали-бабы и табурет, на котором он теперь восседал, олицетворяя закон.

— Фамилия?

— Нуров, — поспешно отозвался высокий, все еще, видимо, не сознавая серьезности положения.

— За что осуждены?

— За угон автомобиля. На пять лет исправительно-трудовой... Два из них уже просидел.

— Теперь еще добавят, — вставил Калихан.

— Это само собой, — с грустью признался беглец. И тут же начал говорить быстро, словно боясь, что его прервут, говорил, проглатывая слова и даже целые фразы. — Это все маленький. Он подкупом ведал. А мы только исполняли...

— Все вы только исполняете, — с отвращением сказал Вали-баба. — А зло за вас замышляют другие... Что это был за автомобиль?

— Думал, частника. А оказался конторский.

— Первая судимость?

— Вторая ..

— А тот срок полностью отсидели, не бежали?

— Нет, не бежал. Маленького не было рядом. — Беглец впервые стал внимательно приглядываться к ведущему допрос. Сама форма вопросов, не профессиональная и даже наивная, любительская, строго-напускной вид сидящего напротив, все это несколько удивляло Нурова и нравилось ему.

До этого ему задавали, как правило, односложные, часто повторяющиеся вопросы, внешне не требующие почти никакой информации, но на самом деле построенные так умело, что отвечающий, если он лгал, непременно запутывался и начинал помимо своей воли говорить правду и одну лишь правду, невыгодную для себя. Проникнувшись к Вали-бабе какой-то симпатией, Нуров приготовился отвечать дальше, но ведущий допрос неожиданно отпустил его, сказал:

— Ответы ваши мы проверим. Идите.

— Когда вы вернете нас в колонию? — спросил беглец, желая получить для себя хоть какую-нибудь выгодную новость, но Калихан толкнул его к выходу.

Привели второго высокого.

— Фамилия?

Этот беглец был крайне подавлен, все время хмурился и отводил глаза в сторону, недовольный тем, что его разбудили.

— Парпиев... Что вам нужно? Кто вы такие?

— За что осуждены?

— Я уже отвечал. Надоело!

— Кому отвечали?

— Вам отвечал, им отвечал. Кто вы такие? Не имеете права!

— За что осуждены? — хладнокровно повторил Вали-баба.

— Деньги печатал. Фальшивые монеты. Три просидел, оставалось двенадцать.

— Кто рыл подкоп?

— Так бы, дядя, и спросил с самого начала! Мы рыли, я и Нуров, а маленький, стервец, нами верховодил. Как я жа-лею, что не бросил его в песках, когда он подвернул ногу! Сожрали бы его коршуны!

— Уберите его! — сразу же утомился Вали-баба.

Казалось ему, что вся эта шайка будет держаться стойко, как и подобает единомышленникам и товарищам, и Вали-баба уже готовился к трудному поединку с каждым из них, казалось, будут лгать, изворачиваться, не выдавая своих тайн и секретов и того, кто день за днем готовил им путь на свободу.

«Мелкие, сварливые мошенники», — отметил про себя с неприязнью Вали-баба, когда прогонял Парпиева.

— Ублюдки! — продолжал ругаться он, пока вели к нему третьего беглеца.

Вот таким злым, нервным встретил он маленького, и едва тот переступил порог, не выдержал, закричал:

— Это вы главный среди них?

Беглец зажмурился, словно получил удар в лицо, и сказал тихо, желая усмирить Вали-бабу:

— Нет, я не главный. Я рядовой.

— Вы учили их, как надо рыть подкоп? Признавайтесь, мы все знаем.

Беглец уже много раз слышал эту дежурную фразу следователей: «Признавайтесь, мы все знаем», — боялся ее, потому что ничего не собирался скрывать.

— Да, это по моей специальности. На гражданке я был инженером по туннелям. А фамилия моя Мусаев, возраст сорок лет, уроженец Бухары, — отвечал охотно беглец, зная заранее, какие вопросы будут следовать и в какой очередности.

— Значит, признаете себя виновным? — устало проговорил Вали-баба.

— В чем? — не понял Мусаев.

— В том, что руководили подкопом, черт побери!

— Признаю, — мягко сказал Мусаев.

— А ранее? На сколько были ранее осуждены?

— На год.

— Всего на год? — вырвалось у Вали-бабы.

— Да, всего, — удивленно посмотрел Мусаев на собеседника. Такие вопросы, да еще с таким участием задают либо совершенно неопытные следователи, либо на гражданке друзья или знакомые.

Удивившись, Мусаев стал думать: кто же перед ним, этот ведущий так неопытно допрос?

— Какая глупость! — возмутился Вали-баба. — Человек осужден всего на год, чего еще надо — сиди спокойно, жди, нет, бросился рыть подкоп. И теперь вместо года получит, наверное, еще три добавочных. Глупость, гражданин Мусаев! Никто вам не простит ее!

— Возможно, возможно, — почувствовал себя свободнее беглец. К нему снова вернулась его всегдашняя вежливость

и склонность к иронии. — И что самое интересное, гражданин следовательно, ведь просидел-то я уже шесть месяцев и осталось ровно столько же, чепуха... Нет, видно, до самой смерти не избавлюсь от дурной привычки рыть в земле всякие ходы и выходы, подкопы и всякие иные сооружения, как крот. Лапы чешутся.

Вали-баба молчал, внимательно слушая беглеца. Впервые за все годы работы в колонии сидел вот так, свободно, лицом к лицу с уголовником.

«Должно быть, очень занятно работать следователем, — подумал он. — Куда занятнее, чем делать все остальное в колонии»...

Глядя на Мусаева, Вали-бабе даже захотелось решить какой-нибудь из следовательских ребусов. Ну, например, этот, самый легкий для начала. За что человеку могли дать такой маленький срок, всего один год?

За хулиганство и дебош? Маловероятно. Сидящий перед ним человек — кроткий, ученый. По этой статье обычно привозят в колонию пьяниц, людей без определенного места жительства, тунеядцев и им подобных.

Значит, что-то по службе. Скажем, обвал в туннеле, но без жертв. Нет, даже для обвала без жертв срок один год — маленький. За это дают, кажется, по крайней мере года три.

Вали-баба решил степень вины Мусаева определить, так сказать, психологически и потому внимательно посмотрел на беглеца. Взгляды их встретились. Вали-баба поежился, беглец, видно, тоже изучал его. Кто кого?

Да, люди с такими нервными лицами, щупленькие, с неразвитой мускулатурой и грудной клеткой бывают, как правило, ревнивцами. Ревнуют жен, любовниц, часто безо всякого на то основания и в конце концов доводят себя до такого состояния, что бросаются на них с кулаками.

«Черт побери, любовная история», — выругался про себя Вали-баба, потеряв интерес к своему следовательскому занятию.

— Так, а посажены вы за ревность! — сказал он, решив поскорее избавиться от беглеца.

— Ревность? — Мусаев сконфуженно улыбнулся. — Нет, боже сохрани, я человек рациональный. Ревность для меня слишком хлопотное занятие. Увы!

— Я не настаиваю, — смягчился Вали-баба. — Это мое личное предположение.

— Удивительный вы человек! — воскликнул беглец. — Вот все изучаю вас и не могу понять: с кем имею дело и где я? Вы слишком не подходите для вашей роли.

— Тут не вы должны меня изучать, а я вас. Вы беглец и уголовник. Идите! — рассердился Вали-баба, поняв, что имеет дело с умным собеседником, а разговаривать с ним и вести допрос неподготовленным — все равно что самому оказаться на месте допрашиваемого...

11

Никто в Гузаре, да и во всей округе, не знал, что творилось в замке.

Вали-баба тщательно скрывал все, приняв меры предосторожности. Уверен он, что гузарцы, бывшие работники колонии, ее повара и прачки, непременно прибежали бы в замок поглядеть на уголовников, вмешивались бы во все, давая ненужные советы.

Ничье постороннее мнение, здраво решил Вали-баба, никакое давление извне, ни слухи, ни домыслы — ничто не должно влиять на ход дела, бывшие караульные сами во всем разберутся. Продукты брали поэтому в соседнем селе, куда с наступлением сумерек отправлялся Калихан, а утром он уже готовил беглецам бесхитростный обед, соблюдая все установленные в колонии нормы и граммы.

Строго в положенные часы выводили потом их на прогулку по двору замка; утром ровно в шесть будили мошенников, а в полночь разрешали им уснуть.

Единственное, что беглецам не приходилось теперь делать, так это выходить за пределы замка на каждодневную работу — были они на это время освобождены от рытья каналов и строительства в пустыне.

Но один раз пришлось все-таки команде пережить несколько неприятных минут. Дозорный, который стоял в башне, сбежал вниз и доложил Вали-бабе, что строители в перерыв переплыли реку и направились к воротам замка, видимо желая еще раз осмотреть его.

Команда, собравшись во дворе, слушала, как толкали строители ворота, как стучали и звали Калихана, спорили, чем лучше открыть засов, но, так ничего и не решив, пошли обратно к лодкам.

Беглецы, сидя в своих камерах, тоже услышали стук в ворота и принялись бить кулаками по дверям, словно звали этих посторонних на помощь.

Калихан бросился утихомиривать их, толкнул высоких, и те упали, ослабевшие, на пол, а маленький, самый благо-разумный из них, сам успокоился.

Вали-баба решил наказать беглецов — лишив их всех на сутки обеда.

Самый сварливый беглец, Парпиев, вновь сваливал все на Мусаева, будто он, когда еще сидели в колонии, научил их на всякий посторонний стук отвечать из камер, как бы заявляя о себе внешнему миру.

— Знаю, — сказал Парпиев, — Мусаев вам голову заморочил, заявляя о своей невинности. Вот вы и слушаете часами его рассказы.

— Ничего он такого не заявлял, — поморщился Вали-баба.

— Странно, — недоверчиво усмехнулся Парпиев. — А вы спросите у него. И узнаете, как это можно быть и виновным и невинным одновременно.

— Уведите! — приказал Калихану Вали-баба.

— Что это был за дурацкий стук? — грубо спросил он у Мусаева.

— Вы имеете в виду тот, который доносился к нам снаружи?

— Не стройте из себя идиота, Мусаев! Я говорю о вашем стуке.

— Понял, простите, — стал извиняться беглец, — профессиональная привычка. Никак от нее не избавлюсь. Видите ли, когда строители прокладывают туннель, они всегда перестукиваются, чтобы узнать, далеко ли их товарищи. Ведь могут быть обвалы и всякое непредвиденное...

— Вы признаете себя виновным? — от рассеянности повторил свой прежний вопрос Вали-баба.

— Да, я рыл подкоп и не отказываюсь от прежних показаний.

— На сколько вас ранее осудили?

— Я уже говорил: на год.

— Сколько дней вы рыли подкоп?

— Дней? — горько, как бы жалея Вали-бабу, улыбнулся беглец. — Если бы дней... Подкоп в тюрьме мы рыли столько же, сколько туннель средней длины. Три месяца. Но учтите, что подкоп был раз в двадцать короче.

— Понимаю, — съязвил Вали-баба, — не было техники.

— Вы удивительно догадливы! — отпарировал беглец.

Вали-баба минуту молчал, сдерживая себя, чтобы не наговорить допрашиваемому грубостей за его столь независимое поведение. И продолжал:

— В первый день вы сказали, что сидите уже шесть месяцев, то есть половину срока. Три из них вы истратили на рытье бесполезного подкопа. А чем занимались остальное время, обдумывали? — спросил Вали-баба, сам того не замечая, что вопросы его вновь приняли любительский характер.

Зато от внимания Мусаева ничего не ускользало, потому он с такой готовностью ответил:

— Никак нет! На обдумывание ушло ровно две ночи. Днем, когда нас выводили на работу, я осмотрел местность, прикинул на глаз толщину стен... После двух ночей обдумывания дружно взялись за дело.

— Таким образом...

— Таким образом, за шесть месяцев мы вырыли не один, а целых два подкопа.

— Как это два?! Значит, вы еще раньше помогли бежать другой группе? Рассказывайте!

— Смею вас разочаровать. Никому я больше не помогал бежать. Тот первый подкоп остался, к сожалению, незаконченным. Нас ведь, как вы знаете, перевели из этого замка, — сказав так, беглец ожидал реакции собеседника, желая понять, знал ли Вали-баба о существовании на месте замка колонии, а если знал, имел ли к ней какое-нибудь отношение.

Вали-баба слегка побледнел, выдавая себя, а стоящий рядом Калихан даже закричал:

— Врешь! Нет здесь никакого подкопа. Замок охранялся надежно!

— Тогда, позвольте, я покажу вам незаконченный подкоп, — улыбнулся Мусаев, поняв наконец, в чьи руки попал. О том, что эти люди работали раньше в охране, говорили и их грубые, обветренные руки, и походка, неторопливая и четкая, и знание тюремного распорядка. А главное то, что они правильно сориентировались в пустыне и поймали их, беглецов.

— Прекрасно! — Вали-баба и его товарищи встали. — Показывайте!

12

Услышав за дверьми шаги и видя, что Мусаева ведут куда-то, соучастники его снова забарабанили тревожно по стенам, да так сильно, что Калихану опять пришлось призвать их к порядку.

185

Но беглецы умолкли не сразу, видимо, были сильно обеспокоены судьбой Мусаева. «Странные эти мошенники, — подумал Вали-баба, шагая за Мусаевым по коридору замка, — на допросах всячески чернят его, а в камерах стучат, протестуют...»

Мусаев почти наугад остановился возле дверей одного барака, а когда посветили, то оказалось, что это как раз тот самый, четвертый.

— Открывайте.

Калихан выбрал из связки ключ с биркой «4» и отворил дверь. Дохнуло на всех отстоявшимся барачным запахом, и Мусаев, кажется, даже испугался, сказал:

— Странно, наши запахи... И, наверное, никогда не выветрятся из-за плохой вентиляции замка.

Барак осветили множеством фонарей, но свет и здесь, как и в длинном коридоре, бледнел и исчезал куда-то без пользы.

Беглец отсчитал от двери какое-то количество плит, остановился и показал одну, в правом углу.

— Это здесь...

Четыре человека из команды принялись поднимать тщательно замаскированную, ничем не подозрительную плиту, подняли ее наконец и обнаружили дыру.

— Вот! — показал на свою работу Мусаев. — Кто желает спуститься?

Но ответа не услышал: Вали-баба и товарищи стояли растерянные, чувствуя свое поражение.

Один за другим подходили к яме, наклонялись и освещали ее фонарями, как будто исполняли полный таинства ритуал.

— Тогда разрешите? — Мусаев просунул в дыру ноги, и не успел Калихан остановить его, как беглец прыгнул и скрылся с головой в полумраке.

Сверху направили на него ружье, но беглеца это не смутило, он принялся объяснять, что к чему:

— Как видите, здесь подкоп идет вниз метра на два. Затем сворачивает направо, вроде буквы Г и идет под стеной... Подкоп рассчитан на человека средней упитанности, примерно такого, как вы, гражданин следователь. Кроме того, у беглеца должны быть крепкие легкие, иначе на десятом метре можно задохнуться от паров и потерять сознание...

— Ну, вылезайте! — приказал Вали-баба, чувствуя, что беглец овладел обстановкой, а они слушают растерянные, разинув рты и как бы признаваясь в своем полном бессилии.

Когда Мусаев вылез из ямы, Калихан все же проворчал:

— Не думайте, мы вас и тогда поймали бы.

— Возможно, — ответил беглец, — не спорю. Операцию вы провели отлично.

Вали-баба молчал, обдумывая сказанное беглецом. Да, операцию провели отлично, это даже Мусаев признал. Но и он сам, беглец этот, не лыком шит, достоин восхищения, два подкопа — это же надо уметь!

Вали-баба сильно вырос в собственных глазах, оказавшись более хитрым и настойчивым, чем Мусаев. Ведь за такого человека повышают в чине и дают медаль.

— Назовите ваших сообщников, — потребовал он у беглеца.

— Они сидят сейчас в замке.

— Но ведь в бараке были и другие?

— Те, кто видел наше занятие, давно на свободе. Срок их благополучно кончился!

— Но ведь они помогали вам?

— Нет, я не хотел, чтобы они рисковали.

— Молчаливые соучастники?

— Нет, почему же?! Многие даже уговаривали нас не делать подкоп, считая это бесполезным.

— Мудрые люди! Как они оказались правы!

- О, да!
- А вы до сих пор убеждены, что надо было копать?
- Убежден, разумеется...
- Почему?
- Знаете, давайте выйдем из барака. Ведь я могу шмыгнуть в дыру, и вам надо будет много потрудиться, чтобы вытащить меня обратно...
- Уведите! — раздраженно проговорил Вали-баба.

13

Только первые два дня беглецы были возбуждены и проявляли какой-то интерес к жизни. Приглядывались, изучая личности этих странных людей, поймавших их, думали о своих промахах и ошибках во время бегства по пустыне. И о разных разностях.

Но, узнав, кто есть Вали-баба и его товарищи, сразу же потеряли к ним интерес, захандрили от безделья и обыденщины.

После коротких допросов и прогулок все остальное время они лежали, растянувшись на каменном полу, и было им тяжело даже рукой шевельнуть. Лица их, чуть загоревшие во время побега, снова стали серыми, а равнодушные глаза потускнели и ничего уже не выражали.

Здесь, в замке, при относительной свободе и при лучших условиях вдруг почувствовали они себя гораздо хуже, чем при строгом режиме в бараках. И все потому, что лишились главного — работы. Того, что отвлекало их, внося в существование хоть какое-то разнообразие.

Знали они по своему горькому опыту, что даже подневольный труд под палящим солнцем пустыни, сколь тяжким и изнуряющим он бы ни был, все же лучше, чем пустое времяпрепровождение в стенах замка.

А неважный тюремный психолог Вали-баба просто не до-

гадывался обо всем этом, наоборот: полагал, что сделал беглецам доброе, освободив их от каждодневной работы.

И был крайне удивлен, когда беглецы, все в один голос, потребовали, чтобы была им предоставлена возможность работать. Иначе, угрожали мошенники, они прибегнут к голодовке.

Вали-баба стал советоваться с Калиханом, не зная, какое дело им, уголовникам, предложить.

Конечно же, самым идеальным было бы послать беглецов на то время, пока они в замке, в бригаду строить мост.

Там, возле села на берегу, вырос уже целый палаточный городок. За то время, пока Вали-баба ловил беглецов, строителей понаехало около сотни, и все приступили к основному — строительству самого моста.

День и ночь шумела и плескалась вода, когда самосвалы сбрасывали на дно реки тяжелые камни, свистел молот, когда забивали сваи... Нет, это очень рискованно посылать туда беглецов — вольные люди сразу обратят на них внимание. А преступников для того и изолируют, чтобы не действовали они разлагающе на тружеников.

— Принести им ведра, пусть замок убирают, — распорядился Вали-баба.

И видел потом, с какой жадностью и как добросовестно подметали и чистили они дворы и коридоры — так же истосковались по работе, как истосковалась команда по службе в сторожевых башнях, хотя была между беглецами и товарищами Вали-бабы большая разница — вольные и подневольные.

Замок убрали быстро, всего за сутки — теперь он опять блестел, словно готовили для приезда комиссии.

Вали-баба же тем временем мучительно думал, что бы им еще предложить сделать полезное.

Его давно тревожил подкоп в баране, показанный Мусавым. Кроме того, что незаконченный подкоп в стене делал замок уязвимым, он еще и действовал на Вали-бабу, так ска-

зять, морально. Как напоминание о силе и уме беглецов и о слабости тюремной охраны, допустившей такое безобразие.

Есть, правда, еще одно дело, но, прежде чем начать его, требуется проверить, насколько оно стоящее.

Слышал Вали-баба, что давно, когда основали в замке колонию, приказали строителям покрыть стены трех главных его помещений слоем цемента, замуровать бывшие на них великолепные орнаменты и пейзажи старых мастеров, чтобы придать стенам надлежащий суровый вид.

А что если сейчас, не дожидаясь приказа, самим снять этот мрачный слой? К старому теперь возврата нет, колония ушла навсегда, значит, ждать больше нечего.

Но задуманное дело очень тонкое, рассудил Вали-баба. Нельзя вот так сразу ломать стены. А вдруг окажется, что разговоры о замурованных пейзажах пустые? Что никаких пейзажей никогда в замке не было? А если были, то их осторожно сняли и увезли куда-нибудь в музей?

Надо посоветоваться с Мусаевым, ведь работа со стенами, глиной и цементом — это по его гражданской специальности. Правда, каждое такое обращение к нему лишь поднимает беглеца в собственных глазах и работает, следовательно, против самого Вали-бабы, но выбора нет. Те двое беглецов просто бестолочи, годятся только на подсобные работы, а к Мусаеву придется идти на поклон.

Вали-баба понимал, сколь всеильными ни были бы они сейчас и как бы ни заставляли беглеца подчиняться законам и правилам, есть, к сожалению, вещи, в которых он чувствует свое превосходство, — значит, никогда нельзя забрать у него полностью свободу.

— Вот вам работа, — сказал Вали-баба, вызвав Мусаева. — Определите, есть ли в трех залах под слоем цемента какие-нибудь рисунки. Но сами стены пока не трогайте. Определите, так сказать... В общем не мне вас учить, инженера...

— Скажите, сколько мы еще пробудем в замке? — спросил беглец.

— А на что вам знать?

— Нет-нет, боже упаси, речь идет не о том, рыть ли еще один подкоп и бежать. Просто гнетет неопределенность положения...

— Не беспокойтесь, за вами приедут из колонии, — строго прервал его Вали-баба.

Мусаева после разговора повели в первое помещение, где находился служебный кабинет. Было оно овальным, просторным, с двумя нишами, которые служили вешалками для мундиров.

Мусаев постучал по стене в нескольких местах, прислушался, попросил разрешения снять со стены кусочек цемента.

Вали-баба вынул нож и демонстративно подал его беглецу. Тот лишь усмехнулся понимающе и принялся за работу.

— Какой-то дьявольский состав! — сказал он, снимая со стены крупницы покрытия. — Нужно же было догадаться ухлопать столько цемента! — говорил и тут же прислушивался к эху, какому-то странному, звенящему.

— Теперь вы скажите что-нибудь быстро! — приказал он Вали-бабе.

— Что все это значит? — не понял Вали-баба.

— Спасибо. Достаточно... Вы, наверное, ничего не услышали, ни как исказилось эхо, ни как оно зазвенело, и не поняли потому, как прочно сидит цемент... Ваши догадки о существовании старых орнаментов подтверждаются... Что еще?..

— Значит, рисунки есть?

— Кажется, я выразился ясно... Но потребуется умственный, ювелирный труд, чтобы очистить их. Поистине ювелирный труд!

— Вы бы взялись за него? — не приказал, а спросил от растерянности Вали-баба.

— Что за вопрос?! У меня ведь нет права говорить «не буду», хотя, сами понимаете, умственный труд требует соответствующего питания. А вы ведь бедны и можете раскошиться только на похлебку...

— Прекратите говорить глупости! — махнул рукой Вали-баба, которому уже давно надоела вся эта напряженная обстановка. — Нечего хныкать и жаловаться на судьбу. Сами виноваты...

Покричал на Мусаева, пожурил и ушел.

А тот, глядя ему вслед, подумал:

«Добрый мужик и сердится по-доброму, как отец. Смешной и жуткий...»

14

Работа по расчистке стенных пейзажей действительно оказалась ювелирной.

Кроме того, что верхний слой был очень твердым и его приходилось соскабливать, а не ломать кусками, угнетало еще и полное незнание расположения и размеров самих орнаментов, то есть в руках беглецов не было ни фотографий, ни копий того, что спрятано, а поиски вслепую требовали большого художественного чутья.

Вали-баба удивился тому, как быстро нашел Мусаев способ распознавания рисунков под глухим цементированным слоем. Распорядился он на каждой стене просверлить по десять-пятнадцать пометок, что-то вроде луночек на льду, чтобы обнажить края росписей.

И когда помощники его коснулись остриями ножей орнамента, Мусаев походил, посмотрел на разноцветные кирпичики, из которых рисунки были сложены, поразмыслил, затем сел, чтобы начертить на бумаге расположение, форму и размеры открытых пейзажей.

— Можете подойти поближе, — пригласил он Вали-ба-

бу. — Вам, жителю села, где стоит замок, хочется, конечно, все знать. Ведь вы удостоились чести жить рядом с национальной гордостью. Так знайте же, росписи, так старательно замазанные цементом, созданы не позднее шестнадцатого века, когда в орнаменте преобладали геометрические фигуры. И следовательно, человеку, изучавшему историю и из простого любопытства посещавшему всякие замки и мечети, не трудно воссоздать благодаря вот этим пометкам на стене точную форму невидимых росписей... А с этими чертежами, — продолжал он объяснять Вали-бабе, — совсем неопасно будет снимать потом верхний слой и показать вам работу старых мастеров неповрежденной, без единой царапины... Прошу прощения, повреждения могли появиться, когда замуровывали росписи, но это, как говорится, не наша с вами вина... Впрочем, зачем гадать. Начнем?

У Вали-бабы было теперь двоякое чувство к этому беглецу. С одной стороны, он восхищался им, хотя и понимал, что восхищаться уголовником непростительно. С другой — он старался одернуть Мусаева, а то и унижить его, ибо видел, что час за часом подавляется его внутренней свободой, а отсюда шаг до малодушия, ротозейства и потери бдительности.

Когда были составлены чертежи, а по ним с большой точностью расчищена часть стены, Вали-баба не выдержал и уединился с Мусаевым, чтобы вести разговор без свидетелей.

— Так за что вы все-таки сидите? — спросил он о том, о чем как-то забывал до сих пор узнать.

— Из любопытства спрашиваете, или..? — язвительно усмехнулся беглец.

Вали-баба взбесился, не выдержал, ударил кулаком по столу:

— По праву! Прошу не рассуждать!

И видел, что Мусаев нисколько не смутился, сказал голосом человека, который сожалеет об этом их разговоре:

— Оставьте свой начальственный тон. Я прекрасно знаю,

кто вы и для чего нас держите уже пятые сутки в замке. Чувствуете вы себя отлично в вашей роли — чего еще надо? А я принес бы вам больше пользы, если бы не отвлекался от работы...

Вали-баба молчал, потеряв разом все аргументы и всю свою прежнюю над ним власть. Кричать и бить кулаками по столу и в самом деле бесполезно.

— Вся ваша слабость в том, — торопился высказаться Мусаев, — что вы и неважный следователь и никудышный судья, а то, чему вы обучены, не годится в общении между людьми.

Вали-бабе ничего больше не оставалось делать. Он встал, чтобы отпустить беглеца, но при этом еще раз подчеркнул:

— Не забывайте, вы уголовник и не вам рассуждать!

Оставшись один, Вали-баба вызвал Калихана и распорядился урезать Мусаеву паек наполовину, чтобы не мнил себя слишком умным...

15

Вали-бабу теперь редко можно было видеть среди товарищей. Он сидел в своем кабинете и ждал. Ждал, что от большой умственной нагрузки и от малого пайка не выдержит Мусаев, надломится его гордыня и явится он к Вали-бабе с опущенной головой. И тогда можно будет простить его и вновь им командовать.

А в большом зале тем временем трое беглецов продолжали свою работу, добросовестно снимая с великолепных росписей старых мастеров чуждый верхний слой.

Мусаев ни с кем не делился тем, как несправедливо поступил Вали-баба, был по-прежнему предельно собран и внимателен.

Он все прекрасно понял, и мелкая месть человека, о котором он еще вчера думал, как о добром и смешном отце, тешила Мусаева и ничуть не злила.

Правда, половинный паек давал себя знать, и после десятичасовой работы кружилась голова, но ничего не поделаешь, если хочется оставаться самим собой и быть хоть чуточку независимым в этих труднейших условиях.

Почти каждый час Вали-баба вызывал Калихана и спрашивал, чем заняты беглецы и в особенности этот щупленький.

— Работают, — докладывал Калихан.

— А ты их подгоняй, чтобы быстрее кончали. Не давай ни минуты отдыха. И следи особенно за этим... умником. Заметишь малейшее нарушение — наказывай, лишай пайка полностью.

Калихан, мрачный, возвращался в зал и, сидя на табуретке у входа, не сводил глаз с Мусаева. Следил за каждым его движением, что откуда взял и куда положил и что как сказал. Следил он не скрывая, в упор, но Мусаева это ни сколько не смущало, каждый шаг свой он делал обдуманно, а говорил теперь изредка, по крайней необходимости, да и то короткими фразами, ни слова лишнего. Только раз, когда был снят цемент с красивого пейзажа, он забылся и тихо запел.

— Петь нельзя! — тут же прервал его Калихан.

— Это почему же? Петь лирические песни всегда разрешалось в колонии, — возразил Мусаев.

— Запрещено! — повторил Калихан без долгих объяснений.

Мусаев сразу умолк, поняв, что пререкаться бессмысленно, зато двое других беглецов зашумели недовольно.

— Ты тут, дядя, свои законы не устраивай. Везде одни единые законы, — набросились они на Калихана.

Тот встал и молча вышел, чтобы узнать все у Вали-бабы.

— Ну что там? Наказал? — встретил его Вали-баба.

— Пел он. А эти говорят, что петь можно.

— А о чем песня?

— О деревне, родной матери. Говорит, лирическая.

— Ладно, петь можно, — разрешил Вали-баба. — Песня

на пользу идет работающему. А что-нибудь другое ты заметил? Из ряда вон выходящее?

— Нет, все дисциплинированно, тихо.

— Ты сделай так, как я скажу. Ты его, Калихан, на какой-нибудь разговор вызови... Ну, к примеру, сядь там и тихо скажи, что я, Вали-баба, деспот, несправедливый человек, и отругай меня хорошенько. А ты, Калихан, не хотел ему паек срезать, сочувствуешь ему. И запоминай, что он в ответ будет говорить. В общем ты должен сделать так, чтобы наказать его как следует...

— А зачем вся эта хитрость? — засомневался Калихан. — Мы ведь можем просто взять и наказать беглеца любым наказанием. И никто потом в колонии, если они пожалуются, не осудит нас, скажут, действовали мы законно.

— Все верно, Калихан, — терпеливо втолковывал товарищу Вали-баба. — Не осудят... Но одно ты забываешь, мы ведь уже не на штатной службе. Мы просто рядовые граждане, строители моста. А рядовые люди должны между собой приличие соблюдать. Иначе не жизнь будет, а мука.

— Какие же это люди — уголовники?

— Пусть они не люди, хотя сам видишь, не каждый человек на свободе так мозгами работает, как этот Мусаев. Пусть так. Но зато мы люди, и это грешно забывать.

Услышав все это и удивившись — ведь никогда Вали-баба не говорил с ним на такие темы, когда речь шла об уголовниках, — Калихан ушел в зал продолжать слезку.

— Петь можно, — хмуро сообщил он, садясь на прежнее место.

Но у беглеца уже пропала охота петь, а эти двое, его помощники, поостыли и работали, как и прежде, с большой добросовестностью.

Вали-баба же, вновь оставшись один, думал, правильно ли он сказал все Калихану, что должны они приличие соблюдать в обращении с беглецами-уголовниками.

Здесь опять, с какой стороны подойти к вопросу. Те, кого они поймали и которые ждут сейчас приезда охраны из колонии, действительно обязаны соблюдать все строгие законы, а они, Вали-баба и его товарищи, должны все строить так, чтобы не чувствовали они свободы сверх того, что положено.

Правда, Вали-баба не судья и не имеет права определять меру нового для них наказания за побег, но подчиниться беспрекословно своим охранникам беглецы обязаны.

Но раз Вали-баба не судья и не следователь, значит, не имеет он права превышать свои полномочия и требовать, чтобы беглецы отвечали на его вопросы. И урезать незаконно паек безо всякой веской причины он тоже не имеет права.

Одно дело, когда копается в душе преступника следователь, а совсем другое, когда интересуется им рядовой человек, тут всякие нажимы и строгости исключаются. Все должно быть добровольно, на основе взаимопонимания... И если ты, пользуясь силой, а не правом, урезал паек и без того малый, то покривил душой, поступил против совести. И не думай, что скроешься с грязной совестью, всему свое время, и на все есть свой суд.

Размышления Вали-бабы снова прервал Калихан. Он зашел, чтобы доложить:

— Не поддается, мошенник. Слушает, как я ругаю вас, молчит. И улыбается, продолжая работу. Так мы его не возьмем, хитер больно...

— Отменить слезку. И выдавать ему снова полный паек. Но поступать строго, по закону. Никаких поблажек! — распорядился теперь Вали-баба.

16

К полудню через двое суток все три зала были расчищены, а Вали-баба приглашен на осмотр настенных пейзажей. Войдя в красочный зал, старший караульный был оше-

197

ломлен резким контрастом между общим унынием остального замка и яркостью этих трех его главных помещений.

Такое ощущение, что после долгого хождения по пустыне неожиданно попал в тихий, прохладный сад. Вали-баба даже чуть поежился, как бы от резкой перемены климата.

Объяснения давал Мусаев, и говорил он скупой и сдержанный, затаив всегдашнее красноречие.

Впрочем, объяснения его были излишни. И первый и следующие за ним два зала были расписаны небольшими по размерам, несколько однообразными пейзажами, и единственное, что в них подкупало, — это сочетание красок, самых фантастических, например ярко-красные деревья на фоне зеленой воды, хотя для привычного глаза все должно быть как раз наоборот.

Вали-баба из приличия молчал, смутно понимая, что, видимо, все должно быть так, как решили старые мастера. Зато Калихан, не выдержав и засомневался насчет цвета деревьев.

— Видите ли, друг мой, — объяснил ему Мусаев, — мастера тем были и велики, что не торопились передать свое первое впечатление от окружающего... Действительно, все должно быть наоборот, красной — река пустыни, а зелеными деревья. Но если поломать обыденное и не бояться показаться странным, то все выйдет гораздо сложнее, как у этих мастеров.

«Все это прекрасно, — думал Вали-баба, не слушая Мусаева, — справились. Молодцы. Но чем же теперь их занять? Вот горе... завтра же устроят голодовку. И будут правы».

Единственное, что теперь остается Вали-бабе, — это по-человечески поговорить с Мусаевым, объяснить ему обстановку.

Вечером беглец был приведен к Вали-бабе в кабинет.

Он лишь делал удивленные глаза, когда слушал старшего караульного, в душе же давно подозревал, что такой разговор состоится, ибо знал, что, кроме многих других, есть в си-

стеме Вали-бабы одна главная брешь, которую необходимо тут же использовать против него самого, а именно — неспособность караульных обеспечить беглецов работой в пределах замка.

Об этом он знал еще в самый первый день, когда их сюда доставили, думал, что все ограничится уборкой замка или еще какими-нибудь мелкими работами на полдня.

О росписях, конечно, не подозревал, потому и растерялся, но ребята справились за два с лишним дня.

— В замке работы больше нет, — сказал Вали-баба. — Я рассчитывал, что человек, посланный в колонию, сегодня к утру вернется, и мы сможем распрощаться. Но, видимо, у него захворала лошадь...

— Да, это не шутка отмахать сто двадцать километров на лошади по пескам, — согласился беглец. — Надо было вашему гонцу проплыть сначала километров двадцать по реке, а там шоссе, можно сесть на автобус до станции. А оттуда уже пять часов езды верхом до колонии.

— Вам легко говорить, — вздохнул Вали-баба, — вы все это знаете. А мы тут живем, отгороженные от мира вот этим замком и рекой. И не знаем, где станция, а где колония... Одним словом, работы больше нет. Прошу объяснить это вашим друзьям...

— Нет, нет, не принуждайте меня! — взмолился беглец. — Я не в силах прийти и сказать им: вас лишили главного в вашей барачной жизни — возможности забиться в работе.

— Тогда как же? Посоветуйте, как найти выход... Поймите, я никогда не думал, что мне придется быть для вас временно всем: и начальником колонии, и следователем. Я всего лишь скромный караульный, — растерянно говорил Вали-баба. — Я не могу полностью заменить вам вашу прежнюю жизнь.

Мусаев призадумался, потом развел руками, как бы со-

жалая, что Вали-баба действительно не может устроить им прежнюю жизнь в колонии со всеми ее правилами, и тихо, как бы все еще сомневаясь, сказал:

— Тогда, может быть, дать им взамен утраченного нечто другое? Ну, скажем, реже запирайте в комнатах, пусть побольше гуляют в замке.

— Что ж, разумно, — быстро согласился Вали-баба, — при условии, конечно, что никто не станет злоупотреблять свободой.

17

Теперь им предоставили возможность почти целыми днями прогуливаться в замке.

Беглецам разрешалось появляться во дворе, на гранитных дорожках между тремя главными помещениями и даже подниматься по железным лестницам на крепостную стену, к сторожевым башням, разумеется, под неусыпным наблюдением караульных.

Снизу, из села, их трудно было разглядеть, и строители до сих пор считали Вали-бабу и его товарищей пропавшими без вести.

Беглецы, а с ними и бдительные дозорные, свободно прогуливались по дорожке крепостной стены, заходили в сторожевые башни, смотрели оттуда во двор замка, на село за рекой, разговаривали подолгу, спорили, обсуждая сказанное как-то Мусаевым.

Беглый инженер, поднявшись впервые наверх, высказал мнение, что замок постепенно, миллиметр за миллиметром, уходит под землю, расшатанный близостью речных вод, и что в будущем, может лет через сто, земля полностью покроет его вместе со сторожевыми башнями.

— Чепуха какая-то! — засомневался Вали-баба, но Мусаев стоял на своем, утверждая, что интуиция инженера, имев-

шого дело с подпочвенными водами, подсказывает ему гибель этого мрачного сооружения.

— Смещение фундамента я заметил, еще когда копал здесь подкоп, поверьте мне! — спорил Мусаев.

— Но можно ли как-то спасти замок? — спросил озабоченный Вали-баба.

— Можно, конечно, если перенести его далеко в пустыню.

— А как же наше село? Ведь еще отцы наши и деды жили рядом с этим замком...

— Да, обидно, конечно, — согласился Мусаев. — Есть, правда, еще один способ, но он очень трудный и требует миллионных затрат, — это прорыть глубже подпочвенных вод тоннели и залить их железобетоном. Но это, повторяю, слишком расточительно и вряд ли селу вашему разрешат этим заняться.

После этого разговора Вали-баба погрузился, почувствовав усталость и равнодушие ко всему.

«Да... Вот и замок наш, оказывается, уходит. Теряем мы его», — думал он, понимая, что вместе с замком уходит многое из его жизни, привязанности и привычки, да и не только его, но и товарищей, всех жителей Гузара.

Уловив его настроение, Мусаев решил утешить Вали-бабу, сказал, что судя по всему, что делается сейчас вокруг, — тысячу раз справедлив закон обновления: вот замок уходит, а вместо него поставят здесь нефтяные вышки, соорудят мост и целый город, и будут остальные вышки стоять до тех пор, пока не истощится земля, ну, а там взамен родится еще что-то для будущих поколений...

— Верно, грандиозное дело затевается, — согласился Вали-баба, — повезло нашему захолустью.

Так говорили они, не замечая, что лед отчуждения постепенно тает и что проникаются они друг к другу большим доверием.

Видя, что беглецы прогуливаются по крепости и сидят, скрывшись от солнца в сторожевых башнях, забывал порой Вали-баба, что люди эти — подневольные, уголовники, да и думать об этом уже устал, мечтая, чтобы скорее приехали за ними из колонии.

Двое высоких беглецов продолжали злиться и ненавидеть людей Вали-бабы за то, что лишили они их вновь свободы, Мусаев же давно простил их, полагая, что, видно, так суждено, не они, так поймали бы их другие, свои караульные из колонии.

В сущности, думал он, эти люди лишь исполнители, плохо ли это, хорошо ли, но это их жизнь и психология, так их воспитали и обучили, среда влияла, близость колонии-замка.

Вале-бабе по-прежнему не терпелось узнать вину Мусаева. но теперь спросить об этом прямо, приказать, он не решался. Ждал и надеялся, что, может быть, беглец сам разоткровенничается, а если нет, то что поделаешь, пусть уносит с собой свою тайну в колонию.

Мало ли у людей тайн, и все их невозможно узнать. Разные встречались Вали-бабе люди: одни сами лезут, раскрывая душу, чтобы полегчало, а других надо заставлять говорить, но эти будут рассказывать только то, что им выгодно — не поймешь их...

Так смирился уже почти Вали-баба, и любопытство его притупилось, но надо же было случиться такому: Мусаев неожиданно согласился рассказать ему то, что утаивал и чего нельзя было вытянуть ни наказанием, ни строгостью.

Вначале они посмеялись, когда Мусаев вдруг вспомнил об урезанном пайке.

— Согласитесь, что это была не лучшая мера принуждения, — сказал он Вали-бабе. — Впрочем, откуда вам было знать, что я, подобно верблюду, могу приказать себе питаться самой малостью? И ничего. почти не страдаю.

— Я же, наоборот, люблю поесть, — признался от сму-

щения Вали-баба. — Много мясного и мучного. С перцем и разными приправами.

— Говорят, много — вредно, но я не поэтому ем мало. Умеренная еда обостряет чувства и делает человека жизнеспособным.

— Я как-то не задумывался над этим, — сказал Вали-баба, довольный тем, что неприятный их разговор об урезанном пайке принял столь невинный оборот.

Но Мусаев не думал успокаиваться и тут же напомнил Вали-бабе о другом случае:

— А ваш угрюмый стражник со своей слезкой и наивно проведенной провокацией — это уж совсем смешно и неожиданно!

Вали-баба помрачнел и махнул рукой.

— Ладно, не вспоминайте. Все действительно глупо. Превысил я свои полномочия, совесть запятнал...

— А все из-за желания власть показать.

— Да не столько уж власть, честно говоря. Хотелось мне узнать, что мог натворить такой человек, как вы, — тихо, с какой-то надеждой произнес Вали-баба.

— Ах, любопытство! Никакого злого умысла?

— Никакого, клянусь.

— Тогда слушайте, — просто согласился беглец...

18

— Дело мое выведенного яйца не стоит, — стал рассказывать Мусаев. — Более банального и скучного дела судам никогда прежде не приходилось разбирать, да и вам вся история покажется, наверное, маловероятной.

Был у меня товарищ по институту, тоже инженер, будем условно называть его — Васлиев. Инженер он, прямо скажем, никудышный, а больше известен в городе как спортсмен-бегун на дальние дистанции.

Было у меня в тот день неважное настроение. Я отправился в маленький винный погребок, чтобы посидеть там в прохладе возле бочек и пропустить парочку кружек сухого вина.

Сухое вино, как вы знаете, пустяк, если сидеть в прохладном помещении. Но стоит выйти на улицу, на жару, вас может с ума свести...

Так сидел я, боясь выйти на жару. Ждал вечера. И надо же было случиться такому: встретил я тут, в погребок, Васи́ева, с которым последние пять или шесть лет ни разу не виделся и только следил за его спортивными успехами по газетам.

Зашел он с чемоданчиком, какие носят обычно спортсмены, сел и попросил сухого вина. Был он мрачный, подавленный, как и я, и, встретившись, мы большую часть времени молчали.

— Не можешь ли ты проводить меня? — вдруг спрашивает Васи́ев. — Мне что-то не по себе.

— Как видишь, я тоже не очень весел, — говорю я ему полусуто.

— Вот и прекрасно, мы не будем друг другу докучать.

Сказано — сделано. Мы покинули прохладный погребок и вышли на улицу.

Было пять часов вечера — время, когда жара дает себя знать особенно сильно.

Предвечерняя жара, она ведь еще и подавляюще действует на психику. И вот через каких-нибудь десять минут мы настолько потеряли над собой контроль, что стали смеяться громко над всякими пустяками, становясь немного агрессивными.

Так мы оказались на белом пустом стадионе.

Васи́ев сел на траву, открыл чемоданчик, и я увидел там несколько серебряных и позолоченных кубков, какие обычно присуждают победителю на крупных соревнованиях.

— Сейчас я покажу тебе, как я бегаю, — сказал Васи́ев.

ев нервно, поглядывая на эти кубки. — Признайся, ты ведь ни разу не видел этого зрелища?

— Ни разу, — признался я. — Я как-то далек от спорта.

Тут он почему-то слишком засуетился, беря из чемоданчика то один, то другой кубок и не зная, на каком остановиться.

Наконец он протянул мне один из кубков и сказал:

— Иди и стой у финиша и держи на вытянутой руке кубок. И жди меня...

Меня все это как-то очень занимало: действительно, почему бы не посмотреть, как он бежит, и не постоять, как судья, на финише с кубком? И секундомер у него был.

Я пошел и стал возле финишной черты с кубком в руке, а Васлиев побежал с другого конца стадиона, решив преодолеть, невзирая на жару, пятьсот метров. Впрочем, интерес мой сразу пропал, стоило мне постоять под солнцем считанные секунды. И то время, пока Васлиев бежал по дорожке стадиона, казалось целой вечностью.

Только потом, на суде, я узнал, что пробежал он свои пятьсот метров за какие-то там секунды и впервые в жизни побил рекорд своего всегдашнего соперника — чемпиона республики Саакова, но, естественно, теперь ему победу никто не засчитал.

Добежав до финиша, он с какой-то злостью выхватил из моих рук кубок и тут же упал на траву, тяжело дыша — выдохся от перенапряжения.

— Черт возьми, — прошептал он, лежа, весь бледный, — всем движет случайность... Чистая случайность.

Назойливое повторение одного и того же слова и вообще все его поведение относил я за счет жары и выпитого сухого вина, а также общей подавленности его настроения.

Сам я тоже чувствовал себя прескверно и предложил Васлиеву пойти в парк искупаться.

— Я, видно, неважно бегал, — сказал он. — Впрочем, не один ты так считаешь...

В парке я купался в озере, а он сидел на берегу на чемоданчике, ни на секунду не расставаясь со своими кубками.

А когда я, немного придя в себя, вышел из воды, то обнаружил Василева спящим мирно под грибом.

Я хотел было разбудить его, но вид спящего человека расслабил меня, и я тоже задремал, сидя рядом с приятелем.

Проснулись мы оба одновременно и были уже совсем не пьяны, да и жара спала.

— Мне не хочется возвращаться домой, — грустно сказал приятель.

Я видел, что ему все так же тяжело, и мне ничего не оставалось делать, как пригласить его к себе.

Так совпало, что жена моя с дочерью уехали за город к родственникам и мы были одни в квартире.

И тут же, к своему ужасу, обнаружили, что чемоданчик с кубками потерян, и от волнения и досады мы не можем вспомнить, где его оставили.

Позже, на суде, один из свидетелей утверждал, что, пока я купался, Василев выбросил все кубки в воду, но версия эта не подтвердилась — водолазы, обшарив дно озера, кубков не нашли.

Одним словом, кубков не оказалось, и я бы легко перенес эту потерю, если бы Василев вдруг не признался, что кубки были им украдены сегодня утром у знаменитого бегуна, когда тот пришел к ним на какой-то прием.

— Бог праведный! — вырвалось у меня от растерянности. — Да как это ты догадался?!

— Если судить здраво, то кубки эти должны принадлежать мне, — хладнокровно заявил Василев.

Мы провели с ним какую-то кошмарную ночь.

По рассказам Василева я понял, что он давно уже нена-

видит этого спортсмена, следит за каждым его шагом и изучает его со всех сторон.

На последних пяти крупных соревнованиях спортсмен, будем называть его Сааков, всегда оказывался впереди Васи́ева, завоевывая первые места и кубки.

В чем же дело?

Изучая физические данные Саакова, методы его тренировки, характер соперника, его выносливость, волю, колебания веса, условия его жизни, быт, его наклонности и даже вникая в такие тонкости его натуры, как наследственность, количество и виды перенесенных им и его родителями болезней и многое другое, Васи́ев пришел к выводу, что он, в сущности, почти ничем не уступает Саакову и даже превосходит его по структуре организма, перенесшего на две болезни меньше, чем организм соперника.

Сааков, как говорится, был у него под микроскопом, разложенный полностью, и все же, как правило, он всегда выходил победителем. Везение? Скопление случайностей?

Как быть? Что же такое поломать, чтобы не быть всегда вторым спортсменом?

За день до этого Сааков, прилетевший из столицы, вновь выиграл кубок, а так как он имел странность носить с собой везде свои награды, то оказался с чемоданчиком на дружеском вечере по случаю победы.

Васи́ев сидел недалеко от соперника, не сводя глаз с этого злополучного чемоданчика. И когда Сааков на минуту отлучился, приятель мой вышел с чемоданчиком и скрылся, решив таким образом отомстить первому спортсмену республики.

История эта показалась мне в высшей степени неприглядной; хотя я понимал душевные переживания приятеля, он все же резко упал в моих глазах.

В отличие от судьбы я, конечно, не считал его вором.

Мне важно было сейчас понять до конца Васи́ева, как

понял он когда-то Саакова, отделить в нем доброе от дурного. И убедить его кое в чем, ибо до сих пор считаю, что словом можно делать истинные чудеса, если, конечно, его произносят в добрых целях. Вспомните народную мудрость: «Сначала было слово...»

Я сказал Василю, что всякий человек, желающий достигнуть высот, должен прежде всего избавиться от дурного в себе.

А в приятеле своем я обнаружил много дурного. Во-первых, я доказал ему, что то, что он называет стремлением честно побить противника на соревнованиях, есть обыкновенная мелкая зависть и честолюбие — пороки недалеких людей.

И еще я рассказал Василю все, что думал о его теории случайности. В случайности проявляется закономерность, и исключения для одного человека, тем более спортсмена, побеждавшего его неоднократно, быть не может — это выдумки и самоутешение.

— Тогда почему он впереди? — кричал Василю. — Суди и его, если ты честен. Или победителей не судят?!

— Судят, да еще как! Построже, чем вас, побежденных. Только я ведь о нем не знаю.

Так сидел я, говоря ему жестокую правду и желая, чтобы он задумался.

Тем временем рассвело. В дверь постучали — это пришла за нами милиция.

На суде потом выяснилось, что в тот день, когда мы лежали с кубками по стадиону, а потом купались мирно в парке, в городе начался ажиотаж. Шутка ли, у знаменитости, у гостя украли среди бела дня победные кубки.

Почти у каждой знаменитости, как вы знаете, особенно у артистов и спортсменов, есть масса поклонников и поклонниц. И слухи, которые они распускали, их негодование — все это сильно повлияло на судьбу.

Возможно, Васлиев отделался бы годом тюрьмы, а меня и вовсе не посадили бы.

Но со всех сторон раздавались требования судить вора и того, кто его укрывал, со всей строгостью закона. А наша местная газета не удержалась, и еще задолго до судебного разбирательства поместила статью, где строчка за строчкой доказывала нашу виновность, и тоже требовала от имени спортивной общественности и многочисленных любителей легкой атлетики наказать пьяных хулиганов.

Честно признаться, мне тогда и в голову не приходило, что я укрываю вора. Передо мной сидел человек, которому, как я, может быть, наивно полагал, надо объяснить многое, что творится в его душе.

Я не знал, что обычно в таких случаях без долгих разглагольствований (это слова судьи) преступника сдают в ближайшее отделение милиции, и делу конец. И что перевоспитанием его займутся потом в исправительно-трудовой колонии люди, которым это поручено по долгу службы.

Каюсь, над всем этим я как-то не думал в ту ночь!

Не знаю, что бы я делал утром, если бы за нами не пришли: может, продолжил бы свои беседы, а может, простился бы с ним, убедившись, что это ему не помогло... Впрочем, помогло бы, я уверен! Не сразу, так через много времени. Ведь помогли же вам моя выдержка, моё упрямство, Вали-баба, признать, что и вы были не правы, когда незаконно лишили меня пайка и установили за мной слежку, дабы спровоцировать еще большие осложнения. Помогло же, верно?..

Мне кажется, что мы, люди, очень скоро растеряем все ценное, если будем друг к другу равнодушны. Вы согласны со мной, Вали-баба?..

19

Вали-баба молча встал и долго потом прохаживался по крепостной стене, поглядывая на унылый двор замка.

Да, отношение его к беглецу принимало теперь новый, более драматический поворот. Можно ли все рассказанное Мусаевым принять на веру, думал Вали-баба. И можно ли забыть о побеге? Если Мусаев не скрыл чего-нибудь такого, что представляло бы его в невыгодном свете, можно прийти к печальному выводу, что с ним поступили сурово.

Тогда как же быть ему, Вали-бабе, если судья все же признал того виновным? Если он не учел истинных, благих намерений Мусаева, когда тот продержал у себя всю ночь спортсмена, укравшего кубки?

Суд велик, и авторитет его работников для Вали-бабы всегда был неоспорим. А как же иначе? Ведь с судом и законом была связана вся его служба в колонии, все долгие тридцать лет жизни.

Он просто не допускал мысли, что судья может принять ошибочное решение и что закон, на который тот опирается, не всегда может учесть всю сложность человеческой природы, все понятные и скрытные движения души того, кто сел на скамью подсудимых.

И вдруг Вали-баба сталкивается с человеком, деяние которого, если отнестись формально, можно признать уголовным преступлением, а если же в нем разобраться, заглянув глубоко в душу, можно признать моральным и человеческим. Вот какое противоречие! И оно теперь угнетало Вали-бабу.

Но, может, все-таки есть нечто, что скрыл от него Мусаев? — искал утешения Вали-баба. Но тут же думал: а какой ему в этом смысл, беглецу?

Ведь Вали-баба не судья и не начальник колонии, от которого зависит восстановление доброго имени Мусаева; он рядовой человек, просто строитель моста, волей обстоятельств стерегущий Мусаева в замке.

Нет, конечно, он не может рассчитывать ни на снисхождение, ни на помилование, ни на какую другую выгоду — Вали-баба человек неофициальный. И Мусаев это прекрасно

знает. «Ведь он долго не делился со мной, — вспоминал Вали-баба. — И рассказал лишь тогда, когда понял, кто я есть. Я простой человек, — внушал самому себе Вали-баба, — я ничего не могу решать. У меня нет ни власти, ни силы отменить приговор... Теперь понятно, почему он с таким упорством рыл эти свои подкопы, зная, что имеет право на свободу... Одержимый, фанатик...»

Но что же ему ответить? Вали-баба знал, что он ждет какого-нибудь ответа, ведь не зря же рассказывал.

«Проклятый день!» — впервые затосковал Вали-баба, вспомнив, как настигли они беглецов на горе.

Казалось, все так просто и не надо ломать голову. Все было просто до этого дня: служба, караулы, ночные игры в домино. И даже мост, даже уход колонии не переживался так остро.

Вали-баба молча подошел к сторожевой башне, где сидел и смотрел на реку Мусаев... Постоял, потоптался на месте.

— Я все слушал... Получается, если так подумать, можно сказать, что вы в той истории не виновны, — был ответ Вали-бабы.

Сразу бросилось в глаза, как он побледнел и как испугался собственных слов. И как не в силах был больше выдержать взгляда Мусаева! Повернулся и быстро сошел вниз по лестнице.

С той минуты он заперся в своем кабинете и не выходил больше ни к своим товарищам, ни к беглецам.

Молчаливый по натуре, он еще больше ушел в себя, занятый невеселыми размышлениями.

И Калихан, только Калихан, которого Вали-баба пускал к себе, заметил, как буквально за день старший караульный осунулся и похудел, и лицо его стало серым, как у сидящих в колонии.

— Что случилось? — пытался узнать верный Калихан. Но Вали-баба всякий раз прогонял его без ответа. Было

похоже на то, что старший из караульных добровольно заточил себя в одиночной камере, в то время как уголовники-беглецы прогуливались на свободе в стенах замка.

Вали-баба теперь просто боялся показываться на глаза Мусаеву. Ведь признав его невиновным, он по логике вещей должен освободить его из-под стражи и отпустить на все четыре стороны. Да, все верно, так надо.

Надо?

А побег, а освобождение уголовников — это как? И даже если освободить — сделать это должен тот, кто признал его виновным, судья — человек официальный, а не Вали-баба.

«Я человек рядовой, — все говорил себе Вали-баба, — у меня нет прав ни осуждать, ни снимать с людей вину. Я строитель моста...» Говоря так, он боялся, однако, поймет ли это Мусаев, — поэтому прятался.

Но Мусаев все понимал. Он слишком хорошо успел узнать, кто есть Вали-баба, на что он может решиться и чего никогда не допустит. Понимал все и ничего не ждал, да и тогда, когда рассказывал, рассказывал просто, чтобы утолить любопытство старшего караульного. И даже не думал, что Вали-баба вдруг поймет его невиновность.

Услышав признание Вали-бабы, он лишь благодарно посмотрел на него, и все. И теперь, даже если Вали-бабе пришлось бы в голову из чувства справедливости освободить его, не передавая караульным из колонии, людям официальным, Мусаев все равно не согласился бы принять свободу из рук Вали-бабы. Этим бы он поставил старика в очень трудное положение, но делу не помог бы...

20

В это последнее утро неожиданно налетел ветер. Ясный белый день стал желтым, и солнце как бы растворилось в песчаной туче.

Пустыня, видно, долго терпела, накапливая в себе энер-

гию, но теперь не выдержала, закружилась в вихре, пугая зверье и людей.

У строителей сорвало много палаток, унесло вниз по течению их лодки, а сама река, не успевая поглощать нефтяные пятна с песком, задыхалась и вышла из берегов — только сваи будущего моста остались нетронутыми, видно забитые на совесть.

Разорив многое на берегу, вихрь понесся к замку и первым делом сорвал с крепостной стены мягкий, набухший от весенних дождей слой, оголив камни и норы ящериц.

Залетел в пустые сторожевые башни, поиграл на славу железными прутьями, как играют отчаянно на органе, а потом засыпал все желтым песком.

Оттуда песок посыпался вниз, во дворы замка, на лестницы и переходы, захлопали и застучали двери и окна, и горячая струя воздуха, залетев через люк и через щели в воротах, подула сквозняком по темным коридорам, выветривая барачный запах.

Вся эта игра природы длилась не более минуты, затем ветер вздохнул где-то в стороне и ушел высоко в небо, забирая у земли самую малость — листья, пух одуванчиков и верблюжью колючку.

И караульные и беглецы пережили все это, спрятавшись в главном помещении замка.

А когда вышли наружу, то не узнали замка. Был он весь какой-то угловатый, оголенный, без четких переходов и линий, засыпанный песком и камнями. Как исчезнувший средневековый город, который успели расчистить только в общих чертах, а детали еще лежали скрытыми от глаз.

— Заставим их убрать замок? — пришел к Вали-бабе с вопросом Калихан.

— Не сейчас, — махнул рукой старший караульный. И, взглянув на серое, пыльное лицо Калихана, дал указа-

ние: — Приведи-ка себя в порядок. Сегодня должны прибыть из колонии.

Интуиция не подвела Вали-бабу и на этот раз. Не успели караульные и беглецы почистить одежду, вымыть лицо и руки, как послышался над рекой шум вертолета.

Строители, занятые починкой палаток и рабочего снаряжения, подумали, что это летят к ним из города, чтобы узнать о последствиях сильного вихря. И стали махать касками и кричать, показывая, где удобнее всего приземлиться пилоту.

Но вертолет, пойдя на снижение, полетел дальше к загадочному замку, сделал круг над сторожевыми башнями и опустился во дворе на мягкий песок.

Вали-баба видел из окна, как открылась потом дверца машины и как вышли сначала двое караульных с карабинами, а за ними и сам начальник караульной службы тоже при оружии, с пистолетом.

Удивляясь, начальник поглядывал на пустой двор, на молчаливый замок, не понимая, почему их не встречает Вали-баба. Караульные ходили вокруг него, крадучись и держа карабины наготове.

Начальник, нахмурившись, подозвал одного из них и что-то приказал, видимо искать Вали-бабу.

Больше всего Вали-бабу заботило сейчас другое: куда делся один из его товарищей, Нури, посланный неделю назад в колонию. Но вот и Нури вылез из вертолета, бледный и шатающийся. Он плохо перенес полет, а теперь сел на песок, чтобы прийти в себя.

Начальник наклонился к нему, видимо приказывая присоединиться к караульному, чтобы начать поиски Вали-бабы, но Нури махнул рукой, не в силах стоять на ногах.

Чтобы не слишком затягивать церемонию передачи беглецов, Вали-баба вышел со своими товарищами во двор.

— Куда же вы пропали, Вали-баба? — начальник бро-

сился пожимать ему руку. И, всматриваясь в каждого, кто подходил к нему, спрашивал: — А где же эти, уголовники?

Видя, что начальнику не терпится улететь обратно из засыпанного песком замка, Вали-баба приказал Калихану вывести беглецов.

— Все трое здесь? — спросил начальник, вынимая список и читая: — Нуров, Мусаев, Парпиев...

— Все трое, — сказал Вали-баба и отвернулся, посмотрел на сторожевые башни.

Начальник тоже посмотрел на башни, но, увидев, что беглецов выводят из помещения, сказал Вали-бабе:

— Они здесь, Вали-баба, внизу... Сажайте в вертолет, — приказал затем караульным.

А сам засуетился, доставая из чемоданчика коробки с подарками.

— Это вам, — передал коробки Вали-бабе, — десять именных часов. За хорошую службу.

Это был уже пятый подарок, те четыре тоже за хорошую службу. Беглецов тем временем посадили в вертолет и захлопнули за ними дверцу.

— Ну, кажется, все сделал, — остановился начальник, вспоминая. — Беглецов проверил, именные часы передал... Да! — вспомнил он главное и, подойдя к Вали-бабе, дружески взял его за локоть.

— Послушайте, Вали-баба, не хотели бы вы вернуться опять в колонию? Я бы взялся ходатайствовать...

Вопрос его, хоть и несколько неожиданный, не застал Вали-бабу врасплох. Он знал, что могут так спросить. И поэтому ответил не раздумывая:

— Нет, спасибо, начальник. Мы уже строители моста. Со старым покончено... — А сам подумал, что не сможет уже, наверное, быть таким, как прежде, караульным, а служить без особого рвения, без души на такой работе никак нельзя.

— Ну, смотрите! — огорчился начальник. — Для вас в колонии всегда место найдется. Вы караульный что надо!

— Спасибо, — поблагодарил Вали-баба за доверие, и пока начальник шел по песку к вертолету, думал, как бы ему поточнее выразиться, поубедительнее, чтобы не показаться неправым.

Заметив, что Мусаев и двое других беглецов смотрят на них через стекло вертолета, Вали-баба остановился и чуть позже, чем надо было, сказал:

— Начальник, у меня есть просьба. — Вертолет уже зашумел, и остальное Вали-бабе пришлось прокричать: — Мне кажется, начальник, что один из них сидел без вины. Слышите меня, невинный...

— Который? — услышал в ответ голос начальника.

— Мусаев. Ученый инженер. Прошу разобрать...

— Разберемся, — пообещал начальник. — Во всем разберемся. Пусть не волнуется.

Довольный своим разговором с начальником, Вали-баба поднялся на лестницу, чтобы лучше видеть, как вертолет взлетает.

Затем бывшие караульные побежали к сторожевым башням, но вертолет поднялся выше башен и замка и взял курс в сторону безводной пустыни.

Долго стояли Вали-баба и товарищи возле башен и спустились вниз, когда вертолет с беглецами стал уже невидим для глаз.

— Убрать и почистить замок, — приказал на прощание старший караульный.

А к вечеру, когда замок был чист, команда снова долго шла по темным коридорам, возвращаясь на свою главную теперь службу — к мосту.

Выйдя за ворота, они тщательно, тремя ключами, закрыли их.

Вали-баба оглянулся на замок и вздохнул, как бы желая напоследок насытиться его воздухом, сказал:

— Ну, кажется, все...

Да, все, пусть замок теперь тоже живет своей новой жизнью, а если ему суждено уйти под землю вместе со сторожевыми башнями, что ж, пусть уходит — образ его надолго останется в памяти...

